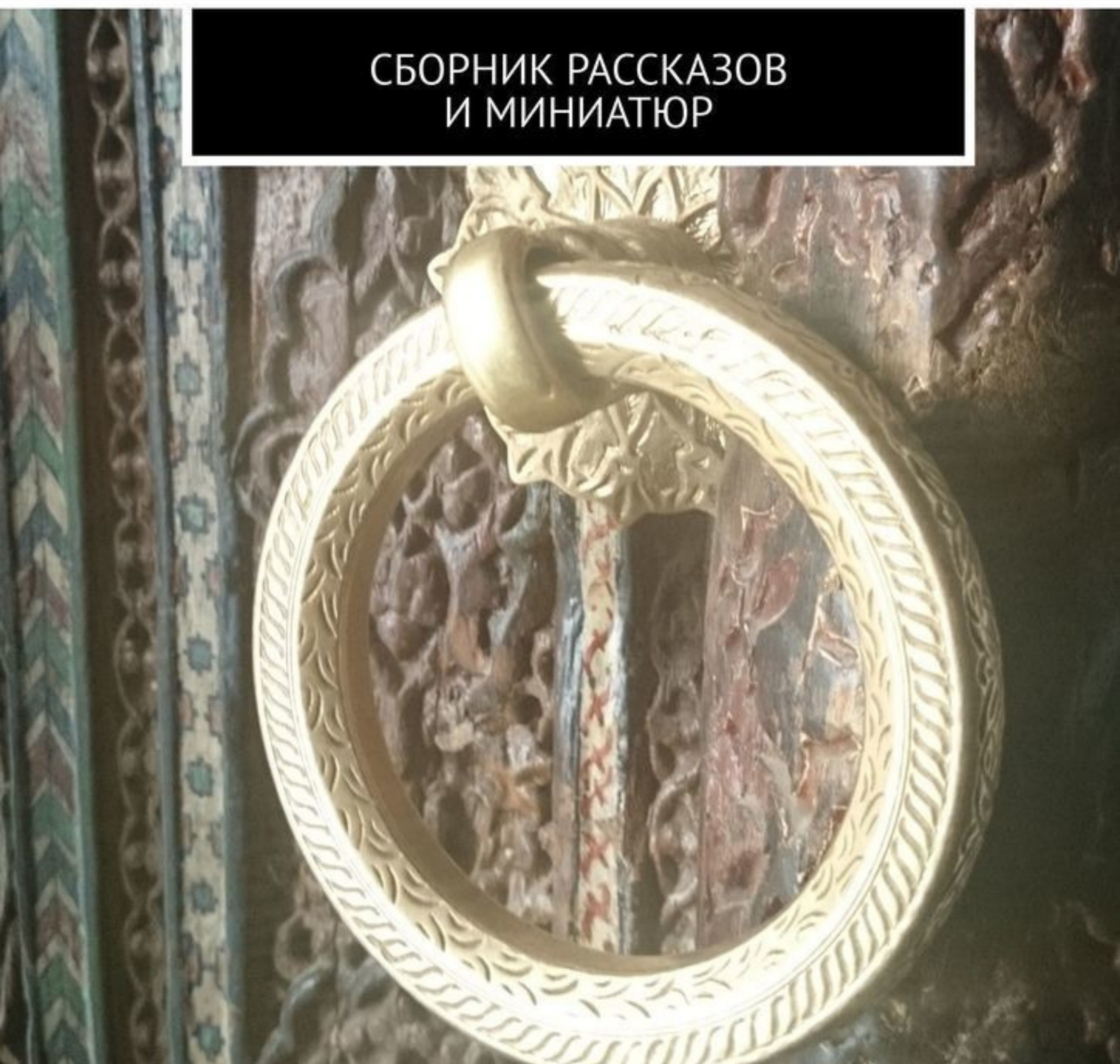

18+

ГОЛИБ САИДОВ

Арабский пленник

СБОРНИК РАССКАЗОВ
И МИНИАТЮР

Голиб Саидов

**Арабский пленник. Сборник
рассказов и миниатюр**

«Издательские решения»

Саидов Г.

Арабский пленник. Сборник рассказов и миниатюр / Г. Саидов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-740371-3

Данный цикл рассказов и миниатюр — не вымысел, не фантазии автора: всё списано из реалий нашей сегодняшней жизни — суровой, беспощадной и потому — достаточно часто — немного грустной. Эти истории заставляют читателя задуматься о многом и в первую очередь, над извечными вопросами нашего бытия: «кто мы, откуда мы и куда мы идём?» Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-740371-3

© Саидов Г.
© Издательские решения

Содержание

Восточный цикл	6
Арабский пленник	6
Шура	7
Света	8
Банкет	8
«Наш человек»	12
День милиции	15
Когда бессильны мать и отче...	18
«Живые несуну»	20
Железная женщина	22
Будни гастарбайтеров	24
Родственные души	26
Амир	28
Адаптация	31
Ни рыба, ни – мясо...	33
Велик	35
Костыль	40
Притча о хлебе	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Арабский пленник

Сборник рассказов и миниатюр

Голиб Саидов

Иллюстратор Голиб Саидов

© Голиб Саидов, 2020

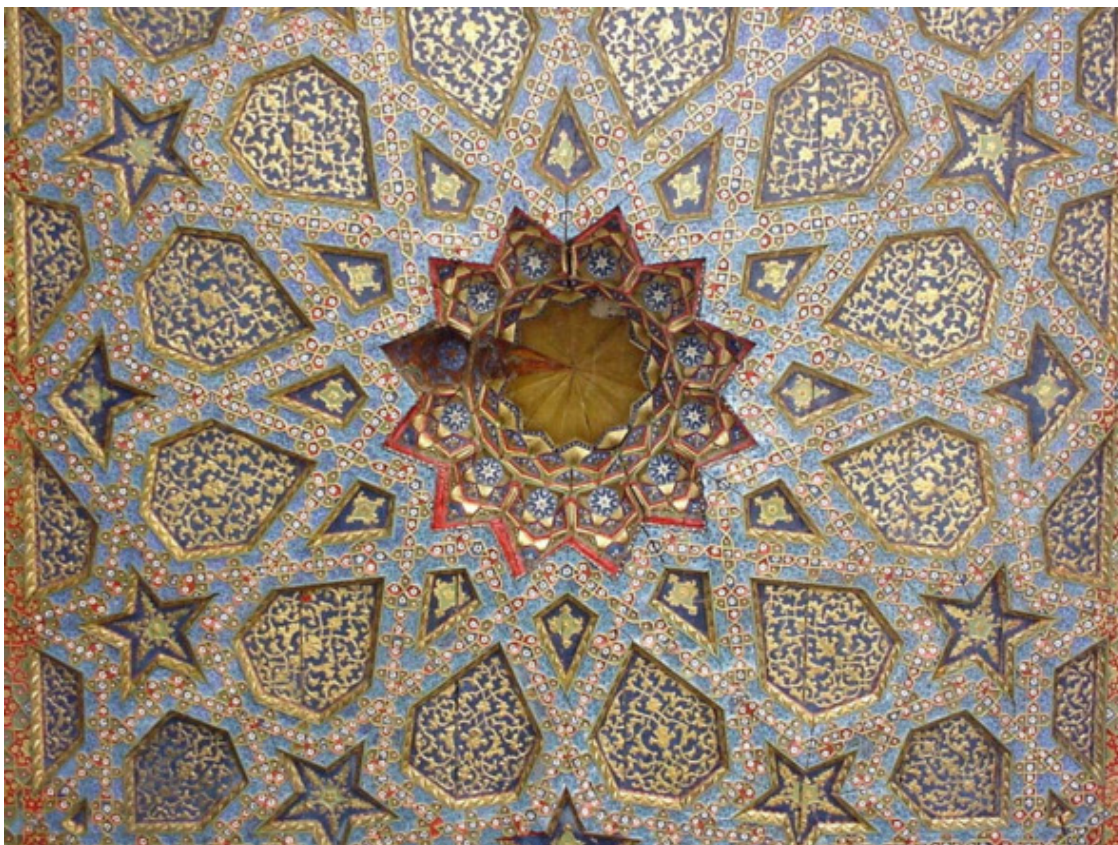
© Голиб Саидов, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4474-0371-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Восточный цикл

Арабский пленник

Фрагмент декора потолка одной из мечетей в Средней Азии.

«Они войдут и разбредутся,
Навалят на спину кули
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели.»
А. Блок «Фабрика»

Прежде, работать с арабскими коммерсантами мне никогда не доводилось. Небольшое кафе в центре Питера. Хозяева – арендаторы арабы. Один из Ливана, другой – палестинец. В целом, вполне милые и добродушно настроенные люди. Со своими «тараканами» в голове.

Не совсем освоившись со спецификой российской жизни и, вероятно, не вполне представляя последствия своего «бизнеса» на новой почве, они, тем не менее, с оптимизмом смотрят в будущее, надеясь, что их врожденная «восточная хитрость» и «более глубокое и тонкое знание психологии» позволят им благополучно преодолеть все неожиданные превратности судьбы, от которых, к слову сказать, не застрахован даже выдавший виды и готовый к любым самым неожиданным фокусам со стороны любимого государства обычный россиянин. Это обстоятельство меня слегка забавляет и одновременно заставляет умиляться моими новыми хозяевами.

Не считая самих хозяев, (вернее, арендаторов) штат дополняют лишь два человека: это гастарбайтерша со Средней Азии Шойра (автоматически превратившаяся в российскую «Шуру»), – уборщица, а заодно (по совместительству), являющаяся помощником повара, и – ваш покорный слуга, проработавший более четверти века в различных ресторанах, кафе и бизнес-центрах города на Неве и вынесший кучу разнообразной информации, которая в иных талантливых руках смогла бы составить не один том сочинений под названием «Кулинарные истории с черного хода».

«Разбавляет» восточную кровь этого пестрого и неоднородного состава штата молодой русский парень Юра, являясь, как я понял, одним из соарендаторов данного кафе.

Иногда, эпизодически, как миражи в пустыне, на короткое время появляются официантки, которые проработав два-три дня, также внезапно исчезают в небытие. Еще реже – посудомойщицы. Мне, к примеру, особенно запомнилась одна из них – Света – самая яркая и живописная личность, описание которой достойно отдельной главы, а потому об этом чуть ниже.

О расширении штата пока не может быть и речи. Объяснение всему этому очень простое: сменились арендаторы; помещение кафе небольшое и вдобавок ко всему расположено не совсем удачно, хотя, можно сказать, в центре города. Цены за каждый квадратный метр непомерно высокие, посещаемость – ниже некуда, отсюда и строгое ограничение в штате.

Вот и приходится оставшемуся рядовому персоналу обучаться смежным профессиям, зарекомендовав себя, таким образом, «многостаночниками-универсалами». Что касается меня, то я уже давно перестал удивляться подобным вещам, поскольку вся моя жизнь, можно сказать, прошла с той изнанки «культурной столицы», которую не принято обсуждать в «приличных семьях», и о которой вы вряд ли прочтете в средствах массовой информации. Функции повара, калькулятора, технолога, заведующего производством, помощника мойщицы посуды, а иногда и экспедитора, давно и прочно числятся за мною уже многие годы. До недавнего времени, в этот «букет» входила ещё и должность грузчика. Однако, в один прекрасный день в одну из гостиниц города, где я тогда работал, приехала по срочному вызову «скорая», которая увезла меня прямо с работы в «Мариинскую больницу», с диагнозом «грыжа диска» и мне выдали справку о том, что более пяти-шести килограммов поднимать я не имею права. Так я «избавился» от должности грузчика.

Шура

Львиная доля обязанностей лежит на плечах Шойры. Надо отдать должное, справляется она безупречно: с той самой легкостью, с какой это делала Золушка по всем нам известному одноименному фильму. В ней и в самом деле, есть что-то от этого милого и трудолюбивого персонажа. Она искренне удивляется тому, что наша врожденная лень, сделала профессию уборщицы одной из дефицитной, а потому найти нормальную непьющую женщину, готовую убрать помещение – это непростая задача для многих коммерсантов. Нашим арабам повезло: Шура не только быстро и чистоплотно справляется со своими многочисленными обязанностями, но делает это легко и, порою, с песнями. Как у всякого трудолюбивого человека, выросшего в нелегких условиях суровой действительности Узбекистана и впитавшего с молоком матери отношение к труду и ко всему, что касается чистоты и уборки, у ней есть тоже свои «слабости». К примеру, она ужасно любит мыть кафельные полы. Даже тогда, когда последние идеально чисты. Она как ребенок радуется такому чуду, как горячая вода. Особенно тому, что эта вода присутствует постоянно и никогда не кончается. Все-таки, как-то непривычно, всё это...

Несмотря на то, что мы оба с ней выросли почти в одних и тех же краях, языковой барьер препятствует нам полноценному обмену мнениями. Она не понимает ни слова по-таджикски, а я, как на грех – с трудом угадываю некоторые узбекские слова. Об арабах – наших непосред-

ственных шефах – я и вовсе промолчу: они целыми днями безостановочно что-то клокочут на своем, изредка забегая на кухню для того, чтобы лишний раз убедиться – не сперли ли мы чего, попутно передразнивая мою землячку, которая и в самом деле иногда «отпускает» такие междометия, что вызывают улыбку даже у меня, привыкшего к узбекской речи и своеобразным её оборотам.

Невольно в сознании всплывают эпизоды из знаменитого фильма «Большая прогулка» с Луи де Фюнесом в одной из главных ролей, где героини-француженки смеются над героями-англичанами, коверкая и имитируя английскую речь, а те, в свою очередь, издеваются над французским произношением. К счастью, нас всех объединяет «великий и могучий», благодаря которому команды хозяев и ответы подчиненных обретают некоторый смысл.

Света

Я живу словно в сказке. Или во сне. Возможно, это объясняется только тем единственным обстоятельством, что мне жутко «везет на людей».

Света принадлежит к тому типу полу-спившихся женщин, возраст которых совершенно невозможно определить: с одинаковым успехом, ей можно дать и тридцать, и сорок, и пятьдесят. Единственное рабочее место подобных сотрудников – моечный цех, или, как обычно принято называть это помещение, «мойка». Правда и эту работу выполняют они, как правило, с неохотой, словно делают вам одолжение. И вдобавок – недоброкачественно. Ну, не хочет никто становиться возле гор немытой посуды и перемывать её за мизерный оклад! Вот и приходится хозяевам подобных заведений «закрывать глаза» и скрепя сердцем соглашаться на этот контингент. Как говорится, «тут уж, ничего не попишешь»...

Такие женщины, обычно, бывают двух типов: либо очень тихие, хмурые и замкнутые личности, глубоко скрывающие свои личные проблемы и не допуская никого к своим секретам, либо – наоборот – веселые и легко идущие на контакт: они удивительно быстро осваивают около моечное пространство, свободно и естественно общаются с рядовым персоналом, не утруждая себя всякого рода предварительной «разведкой» и изучением окружающей обстановки и т. д. и т. п. Они, как правило, прямы и откровенны в речах (что думают, то и говорят), бесхитростны и беззлобны. При этом, однако, довольно четко и однозначно прочерчивают линию, отделяя себя от «начальства». Правда, последним качеством наша Света не обладала, совершенно не делая никаких различий и игнорируя принцип субординации. Во всяком случае, именно так, по всей вероятности, ей представлялась «свобода» и всё, что связано с этим понятием.

О Свете я был наслышан. В её услугах отказались сразу же, как только нашли Шойру. Я же, пополнил собою этот небольшой коллектив спустя две недели после прихода землячки. Исходя из рассказов Шойры, которой довелось не только застать, но и поработать вместе со Светой два или три дня, я составил приблизительный психологический портрет последней, столь до боли знакомый мне по прежним местам трудовой деятельности, что я искренне сожалел о том, что не застал эту яркую личность.

Мог ли я тогда себе предположить, что сожаление мое окажется преждевременным и что буквально в считанные дни моя мечта осуществится? А произошло это при следующих обстоятельствах.

Банкет

В один из дней Шойра прихворнула, и хозяева кафе встали перед проблемой – кем заменить уборщицу. И надо же было такому случиться, что именно в этот день меня поставили перед фактом: во второй половине того же дня намечался банкет на тридцать человек.

Любому повару, мало-мальски знакомому с производством понятно, что подобные вещи должны оговариваться заранее с тем, чтобы успеть утвердить меню, составить список необходимых продуктов, сделать соответствующую подготовительную работу (почистить и отварить овощи, нарезать и т. д.). Не сложно представить, в каком состоянии я находился. Причем, на все мои попытки объяснить новоиспеченным «бизнесменам», что так это не делается и что необходимо предварительно хотя бы поставить в известность повара, они отмахивались и, снисходительно улыбаясь, повторяли мне все одно и то же: «Да брось ты, – это ведь, ерунда...»

Наконец, когда я осознал всю бессмысленность и бесполезность моих тщетных увещеваний, я взял себя в руки и хладнокровно заявил им следующее: «Хорошо, в таком случае, с этого самого момента я снимаю с себя всякую ответственность за предстоящий банкет и выполняю только функции обычного повара. Все остальное предоставляю вам».

Молодые хозяева разом смолкли, многозначительно переглянулись между собой и, мгновенно просчитав все последствия такого варианта развития событий, вновь уставились на меня, но уже совершенно по-новому: «Ну, хорошо, хорошо, – прости. Что необходимо нам приобрести, докупить и чем ещё тебе помочь?»

Я наспех набросал меню, ориентируясь, прежде всего, на имеющиеся в наличие продукты, составил список необходимого и наказал им не принимать никаких заказов от клиентов, находящихся в кафе, или – что ещё разумнее – временно закрыть кафе. Ну, и напоследок, выразил надежду, что мне предоставят хоть какую-нибудь помощницу. Как вы уже, вероятно, догадались, этой «спасительницей» явилась Света.

Жила она недалеко от кафе и моим шефам ничего другого не оставалось, как позвонить ей домой и попросить, выйти на смену. Именно так ей было сообщено: словно и не расставались с нею.

Нравственный аспект данного поступка, похоже, мало волновал как ту, так и другую стороны. Хозяева, ещё «вчера» с такой легкостью расставшиеся с ненужным им сотрудником, «сегодня» вновь сочли необходимым обратить свои взоры на отвергнутую работницу, ни в малейшей степени не испытывая угрызений совести или неудобства. Свету же, в свою очередь, подобное поведение несколько не оскорбило: по-видимому, она была выше таких понятий как гордость и самолюбие. Тем более, что выпивка дома подходила к концу, а тут «кстати» повернулся звонок...

– Ну, и где эти суки? – едва войдя в кафе и подойдя к барной стойке, за которой почему-то на тот момент оказался я, простодушно выпалила она и лукаво подмигнула, словно мы с ней были знакомы вечность. Под «суками», как я правильно её понял, она подразумевала хозяев.

Кивнув головой на кухню, я пригласил её пройти за мной. Как и предполагал, мой психологический портрет «один в один» совпал с оригиналом. Я был несказанно рад, ибо давно уже был лишен столь пикантного общества. Ну, а то, что «сюрпризы» – ещё впереди, в этом не было сомнений.

Внешне Света выглядела вполне прилично, можно даже сказать привлекательно: у ней сохранилась неплохая фигура, с аппетитными округлостями в соответствующих местах и милая, я бы даже назвал «детская» мордашечка, с большими наивно вопрошающими глазами. Не будь этих «мешочков» под глазами и испещренной сети морщин, я бы ни за что в жизни не признал бы в ней свою ровесницу.

Хозяевам кафе пришлось состроить на лице дружескую улыбку, будто они ужасно рады встрече, и коротко обрисовать Свете круг её обязанностей.

– Ну, что мне надо делать? – дохнула она жутким перегаром, вплотную подойдя ко мне и уставив на меня свои очаровательные глаза-блюдца.

Задержав дыхание, я молча, рукой указал на пластиковое ведро и лежавший рядом мешок с картофелем. Она понимающе улыбнулась в ответ, просто и откровенно сознавшись:

– Вчера столько нае@енились... всяко-разного... Голова раскалывается. А сегодня, с утра, ещё эти... Нет, ты представляешь себе?

Я представил. Как представил и то, что меня сегодня ждет...

– Света! У нас с тобой сегодня куча дел. Поэтому давай поступим так: разговариваем, но заодно делаем дело, поняла? – попытался я дать ей установку, хотя глубоко в душе уже прокрутил, почему-то, самый наихудший из возможных сценариев. – Почисти пока срочно картошку.

– Хулишь тут неясного, – быстро согласилась со мною Света, – вот сейчас покурим и – начнём.

Мне стало смешно: про её частые перекуры я был наслышан ещё от Шойры. Однако, я сдержался и даже помог даме прикурить. Сам же, взвесив ситуацию и уяснив для себя, что рассчитывать на помощь глупо, стал срочно метаться по кухне, ставя на плиту кастрюли с овощами, яйцами и прочими продуктами, параллельно взявшись за разделку мяса. Она же, наблюдая за моими лихорадочными действиями со стороны, явно наслаждалась происходящим, и только изредка роняла в мою сторону едкие реплики:

– Господи! Да, какого х@я ты так носишься, как угорелый?! И чего ты переживаешь: это что – твое кафе? Тебе оно надо? Да е@ись оно коньком-горбунком! Пусть, они бегают обосрамшись, а ты должен быть гордым!

При этом, она вскинула вверх свою маленькую головку и, сжав кулачки, вся выпрямилась, приняв стойку.

Меня же, охватывали двойственные чувства: с одной стороны я был безумно рад и счастлив знакомству и общению с таким удивительным «самородком», что готов был слушать её часами, но с другой – своими мыслями и заботами я был слишком далеко от своей героини: предстояло очень многое подготовить для банкета, а рассчитывать приходилось только на себя. У меня даже и мысли не возникло – обидеться на Свету за то, что она мне не помогает. Наоборот, она меня только вдохновляла своим присутствием, и мне этого было вполне достаточно. В голове крутилась только одна мысль: поскорее закончить с заготовками для того, чтобы иметь возможность оставшееся время уделить непосредственному общению с этим удивительным человеком. Она подкупала, прежде всего, своей искренностью, а это такая редкость в наши дни. Общение с людьми, подобными Свете, являлись для меня редким событием. И столь же значимым, как и посещение Эрмитажа или Русского музея. Созерцание живого уникального экземпляра в непосредственной близости, с её широчайшим спектром различных тонких нюансов, доставляет истинное наслаждение. Иногда оно способствует гораздо более глубокому осмыслению казалось бы простых и лежащих на поверхности истин и позволяет глубже проникнуть в душу собеседника, вызывая такие необъяснимые чувства, которые нечасто возникают при созерцании иных статических полотен. Понимаю, что это различные жанры, но экстаз, охватывающий от созерцания шедевра, практически исходит из одного и того же необъяснимого источника...

Наконец, убедившись в том, что к картофелю никто не прикасался, я засел за чистку.

Некое подобие смущения отразилось на её лице. Света вздохнула и нехотя села напротив, жалостливо уставившись на меня.

– Нет, ты хоть представляешь себе – с кем мы работаем? – немного понизив голос, устало обратилась она ко мне.

– Да, да, – с арабами. – быстро согласился я, угадав ход её мыслей, с удвоенной энергией сосредоточившись на своей работе.

– Это – пи@дец... – обреченно выдохнула она и – наконец – лениво вытащила из мешка небольшой клубень. С чисткой она явно не торопилась, тупо уставившись на картофелину и всецело погрузившись в свои тяжёлые думки. Однако уже через минуту-другую, некое подобие проблесков угрызений совести, определённо обозначилось на её лице: видя мое усердие,

она нехотя стала срезать маленьким ножом толстую кожуру, подвергая несчастный клубень жесточайшей экзекуции. Вскоре в ведро, где лежало с десяток моих очищенных картофелин, плюхнулся и её огрызок.

– Нет, ты представляешь – они даже про трудовую книжку не спросили?!

Данный факт, почему-то, более всего покорибил мою знакомую.

– Всё это очень подозрительно – прошептала Света, наклонившись к самому уху. – Я проработала у них неделю, а зарплаты никакой: всё «завтраками» кормят. Мне это капитально надоело и я им заявляю: «Всё, бля, – достали: не уйду домой, пока зарплату не дадите!». А они мне, суки, представляешь, что отвечают? Грят, «сейчас денег нету, можешь натурпродуктом взять: вон, поешь солянки». Я, конечно, солянку люблю, но, бл@ть, не могу же я её шесть раз на дню есть?!

Тут уж, не сдержавшись, я откровенно рассмеялся. Света тоже прыснула сипло и с улыбкой уставилась на меня: ей явно пришлось по душе, что она сумела меня рассмешить.

Вскоре возвратились с рынка хозяева и принялись разгружать из багажника ржавой «шестерки» пакеты с продуктами, ставя их прямо на пол. С последней партией они приволокли две десятилитровые канистры, которые водрузили на мой рабочий стол.

– Что это? – поинтересовался я.

– Водка – коротко бросил шеф, – нужно будет срочно разлить по графинам.

– С этим я в два счета справлюсь – мигом оживилась Света.

– Нет, не сейчас – опомнились хозяева, бросив подозрительный взгляд на загоревшиеся глаза моей помощницы. И, на всякий случай, перетащили канистры куда-то к себе, за барную стойку.

– Бл@ди... – процедила им в спину Света.

И вдруг, резко повернувшись ко мне:

– У тебя не найдется пятидесяти рублей? Голова раскалывается, опохмелиться надо срочно. Иначе я сдохну и не смогу работать.

К сожалению, денег при себе у меня не было. Света расстроилась и стала лихорадочно соображать – где бы раздобыть мелочь. Наконец взгляд её остановился на двух клиентах, мирно сидящих в углу и потягивающих пиво.

Когда через пять минут, войдя на кухню, она срочно стала напяливать на себя одежду, собираясь в магазин, я в шоке уставился на неё:

– Ты что: выпросила у клиентов деньги?!

– А хулишь... не умирать же... – и уже окончательно махнув в мою сторону рукой:

– Да, брось ты... х@йня всё это. Ща я мигом, хорошо? Если спросят меня эти (Света мотнула головой в сторону арабов), скажи, что я за сигаретами вышла.

Через полчаса, моя подруга, слегка разомлевшая и довольная, сидела напротив меня с баночкой «Невского» и без остановки несла какую-то чепуху и околесицу. Я старался делать вид, что внимательно слушаю её, думая о своих производственных проблемах. Света заметно ожила: на щеках появился легкий румянец, а глаза как-то необычно заблестели. Иногда она даже снисходила до того, что принимала личное участие: раскладывала мясную нарезку и заправляла готовые салаты.

За час до банкета, хозяева, забывшись, вновь притащили канистры на кухню и стали разливать содержимое по графинам. После чего, направились в зал, чтобы расставить водку по столам. Не успели они выйти из кухни, как Света мгновенно очутилась возле емкостей. Сорвав с полки первую же попавшую на глаза кружку, она ловко наполнила её доверху и также быстро задвинула куда-то вниз. И, буквально, в следующую секунду хозяева вернулись за очередной партией.

Я даже не успел испугаться: настолько это быстро и профессионально получилось у моей помощницы.

Подойдя к канистрам, мои шефы наполнили очередную партию графинов и вновь покинули кухню. И снова Света молниеносно проделала ту же самую операцию. Я жестом показал ей, что уже достаточно. Вскоре, по моим приблизительным подсчетам, в разных углах небольшой кухоньки скопилось около пяти-шести емкостей различного объема. Это был настоящий праздник. Рай, Парадиз! Света пребывала вне себя от счастья, и без умолку рассказывала мне свои истории, предвкушая свой праздничный банкет.

Например, о том, как она работала в известном на весь Питер «Сенат-баре».

– Да, ну? – засомневался я, представив посещавшую это заведение публику. Однако, как оказалось, Света врать не умела:

– Да я живу рядом, на Галерной. Месяца два или три там работала. Вот там, вот, пи@дец был полный: столько посуды, столько посуды... Не успевала... Только вымою – опять, суки, несут... Чистую посуду ставить некуда... Ну, я их – на х@й – на пол и ставила...

– Не может быть!?! – только и вырвалось из меня. Впрочем, вскоре я и сам вспомнил нечто подобное, когда работал рядом, на теплоходе «Мария», что расположен напротив памятника «Медному всаднику». Может. Ещё как – может быть...

Не удивительно, что к середине мероприятия, Света была уже «хороша». Внезапно зайдя на кухню и бросив случайно взгляд на мою помощницу, один из потомков бедуинов, презирающий алкоголь и особенно пьяных женщин, не на шутку рассердился. Он дико вращал своими жгучими черными глазами, переводя взгляд со Светы на канистру и обратно...

– А ну-ка: стань прямо! – приказывал он, проверяя её на трезвость. – Вытяни руки вперед! Подними голову вверх! Выше! А теперь иди прямо на меня!

Поразительно, но Света покорно выполнила все его команды и на удивление успешно выдержала экзамен, ни разу не покачнувшись и не сойдя с воображаемой прямой линии. Уткнувшись в араба, она взглянула на его довольную физиономию и, совершенно не стесняясь, бросила:

– Да, пошел ты на х@й!

Хозяин повиновался, не забыв прихватить с собою канистру с остатками спиртного.

Ещё через час, моя помощница была окончательно «никакая»: сидя на стуле и глядя куда-то поверх моей головы, она бормотала какую-то несусветицу и абракадабру. В этот момент я жутко испугался за неё. Она ни в какую не желала лечь на стулья, продолжая бредить. Взволнованные хозяева также, не на шутку были напуганы произошедшим... «Не дай Аллах, копыта здесь ещё откинет?! На производстве! Беды не оберешься!»

Когда ещё через полчаса моей «помощнице» немного полегчало, арабы тут же, отсчитали ей триста рублей за смену и, не дожидаясь конца рабочего дня, отправили её восвояси, домой. Так сказать, от греха подальше...

«Наш человек»

Прошло месяца два, прежде чем я осознал, что следует либо, срочно менять место работы, либо – я сойду с ума и меня пора отправлять в «дурку». И поводов для этого накопилось предостаточно.

Во-первых, изумляла стойкость и упёртость моих арабских соплеменников, которые столкнувшись с реалиями российского бизнеса, вынуждены были воздать должное своему более изодрённому и поднаторевшему в подобных делах северному соседу. Имея за плечами богатый тысячелетний опыт деловых рыночных отношений, они никак не ожидали, встретить достойного соперника, который настолько изловчился манипулировать всевозможными законами, подзаконными актами и постановлениями, ставя в тупик предпринимателей всех мастей, что у потомков Авраама по-отвисали челюсти. И всё-же, сдаваться они отнюдь не собирались. Во всяком случае, пока...

Во-вторых, очень скоро я понял, что имею дело с самыми настоящими дилетантами, не имеющими никакого понятия о производстве в целом и её отдельных технологических звеньях в частности. Поначалу, им казалось, что достаточно приобрести по-больше кальянов (а этого добра у них хватало) и наладить поставку с Ближнего Востока дешевого табака, с разнообразными фруктовыми начинками, и... всё – можно подсчитывать прибыль и поживать на лаврах.

Моё предложение, что неплохо бы было составить традиционное меню и запастись для начала хотя бы минимальным перечнем необходимых продуктов, было встречено моими шефами с явной настороженностью. Тем не менее, посоветовавшись между собой за перего-родкой, новоиспеченные бизнесмены нашли моё предложение не лишенным логики и скрепя сердце, согласились на самый минимум.

Вскоре я пойму, что все мои усилия по составлению калькуляций и технологических карточек, напрасная трата времени. Внукам вчерашних бедуинов, всё это было абсолютно «по барабану».

– Срочно, приготовь жареного мяса! – неожиданно влетит ко мне на кухню один из них – небольшого росточка, коренастый Валид – и округлив свои выразительные черные глаза, пояснит. – Очень уважаемый товарищ зашёл к нам в гости.

Я слегка опешил.

– Что значит «жареное мясо»? Эскалоп, стейк, лангет или ромштекс? Другого мяса у нас в меню нету...

– Э-э... – недовольно протянет мой хозяин. – Какое «меню-пеню»? Просто, сделай мясо с луком и томатной пастой! И не забудь добавить специй... А пока, дай мне быстро овощной салат!

Стиснув зубы, я приступлю к салату, в соответствии с технологической картой.

– Что ты делаешь?! – дико вращая своими глазищами, заверещит Валид. – Не надо так тонко резать помидоры!

– Но ведь, мы согласовали с тобой подачу салатов! – удивлюсь я.

– К чёрту, «подачу»! – прервёт меня начальник. – Это наш человек, понимаешь?! Ему надо крупно порезать... он так любит. И – побольше зелени!

– Понятно... – хрипло выдавлю, едва сдерживая себя. – А как мне посчитать мясо? Как эскалоп или – лангет?

– Считай, как хочешь, потом разберёмся...

Через месяц, когда наступит «потом», мои хозяева станут почёсывать свои затылки, подсчитывая свои немалые убытки и искоса поглядывая на меня. Я же, уподобившись известному герою Г. Вицина из «Операции Ы» («Чей туфля?!»), преспокойненько буду пить лимонад и напевать под нос песенку, разбирая только что привезённые продукты.

Пройдёт ещё немного времени, прежде чем я окончательно смогу убедиться в том, что первоначальные мои подозрения это не мираж, а – реальный диагноз. Худощавый флегматичный Исмаил, никогда не выпускающий из рук кальяна, поняв вскоре всю бесперспективность их тщетных усилий, окончательно забудет на всё и вся, забившись в свой уголок и обволакивая себя густым облаком дыма. Я его прекрасно понимал: это был единственный способ, отвлечься и забыть на время холодную суровую Россию, с её идиотскими законами, перенесаясь в свою родную милую Палестину, где всё знакомо, понятно, а главное – тепло. И лишь, неугомонный Валид, продолжал носиться, как колобок, по всему кафе, изобретая очередные новые идеи, которые с успешным треском всякий раз рушились, столкнувшись о жестокую российскую реальность. И несмотря на то, что «восточной хитрости» в нём заметно поубавилось, тем не менее, остатки гордого и непокорного восточного темперамента, всё же, давали о себе ещё знать.

– Приготовь срочно овощной салат! – услышу я знакомый голос, из чего заключу, что в наше заведение пожаловал очередной «наш» человек. – Да, и прожарь хорошенько нормальный кусок мяса... Только не вздумай пересушить!

Нарезав овощи крупно, я примусь было за «мясо», как вновь получу нагоняй:

– Зачем ты положил в салат болгарский перец?! – схватившись за голову, завопит как недорезанный ишак мой восточный повелитель. – Он терпеть не может эту гадость!

– Прости, но в прошлый раз, ты сам настоял на том, чтобы этой «гадости» было как можно больше? – пытаюсь сохранить спокойствие и хладнокровие, напомним я Валиду, которого про себя окрещу «ливанским кедром».

– Э-э... – по привычке, раздражённо скривит свои губы араб и назидательно пояснит. – В прошлый раз был совсем другой наш знакомый. А этот – другой! Понимаешь?!

– Резонно... – вынужден буду согласиться я и, бросив на сковороду внушительный кусок говядины, мысленно обращаюсь не только к Аллаху, но и ко всем мировым богам.

И – как это ни странно – через несколько минут, боги меня услышат.

– Нет, это не то... – глянув на приготовленный стейк, сморщится мой шеф. – Ты уверен, что ему понравится?

– Послушай, ты хотел получить хорошо прожаренное мясо, но не пересушенное. – терпеливо попытаюсь я объясниться. – Существует, по крайней мере, пять степеней прожарки стейка. Судя по тому, что ты мне заказал, это более всего соответствует «well done», то есть, абсолютно прожаренное мясо, почти без сока...

– Я не знаю, что такое «well done», но чувствую, что не тот колор! – затопает своими коротенькими ножками Валид и, неожиданно перейдя на шёпот, пояснит. – Понимаешь: это НАШ человек!

Похоже, это было кульминацией, потому, что в следующую секунду, вспомнив почему-то другой мой любимый фильм замечательного режиссера Г. Данелии – «Мимино» – я вдруг окончательно расслабившись, простодушно выдам:

– Тогда сам подбирай колор! – и сняв фартук, подытожу – И жарь так, как тебе вздумается! А меня здесь – нету!

И ни слова более не говоря, с облегчением покину своё очередное место работы, дав себе слово – никогда более в жизни, не иметь дело со своими ближневосточными соплеменниками.

День милиции

Среднеазиатские зарисовка. Фото Н. Окда

Умед работал на вещевом рынке: таскал огромные тюки и баулы с нехитрым товаром.

Сегодня повезло: в восемь вечера он уже был свободен. Хозяин-азербайджанец отключил ежедневную таксу – три сотенные бумажки, которые счастливый мальчишка, аккуратно сложив пополам, засунул себе в носки, под пятку.

Проходя мимо гастронома, Умед с трудом удержал себя от покупки аппетитной жирной баранины, разложенной дразнящим веером за стеклянной витриной.

«Ничего, ничего... – успокаивал он сам себя, с трудом отводя взгляд от манящего прилавка, – плов пока может и подождать. Вот, поднакоплю ещё немного и к концу недели можно будет устроить небольшой праздник живота.»

– Эй, куда спешим?! – прервал гастрономические размышления окрик сзади.

Парень мгновенно притормозил и резко повернулся: в трёх-четырёх метрах от него стоял милиционер. Тяжело вздохнув, несчастная жертва обреченно уставилась на своего извечного преследователя. Но, уже в следующую секунду, Умед заставил себя внутренне собраться.

– Что такое? – состроил он недоумённое выражение. – У меня все документы в порядке, товарищ сержант.

И, поспешно сунув руку во внутренний карман куртки, гость извлёк целлофановый сверток с многочисленными бумажками, среди которых особо выделялся зелёный паспорт гражданина Узбекистана.

– А мне твои документы ни к чему! – грубо оборвал его мент, тем не менее (на всякий случай), быстро пробежавшись профессиональным взглядом по бумажкам. Убедившись, что

придаться и в самом деле не к чему, страж порядка безо всяких предварительных намёков, откровенно и нагло потребовал развязным тоном:

– Деньги давай!

– У меня нет денег... – начал было оправдываться парень, но сержант его нетерпеливо перебил:

– Слушай сюда, ты! – и, резко наклонившись к самому лицу, выдохнул: – А ну, быстро: какое сегодня число?!

– Десятое ноября... – пролепетал бедный мальчишка. Только сейчас он заметил, что мент был изрядно навеселе.

– Правильно... – расплылся в широкой улыбке сотрудник внутренних органов и внушительно пояснил: – День Милиции! Ясно?!

Парень обреченно кивнув, грустно уставился себе под ноги. Еле держась на ногах, гарант порядка с упрёком посмотрел на несознательную жертву, а затем продолжил своё нравоучение:

– И ты меня... в такой день... хочешь расстроить?! – он укоризненно покачал своей фуражкой, едва удерживая равновесие. – Не стыдно?

– Но у меня действительно нет денег – вновь попытался соврать Умед.

– Э-эх! – махнул с досады рукой правоблюститель и, повернувшись в сторону отделения милиции, расстроено произнёс: – Пошли! Не понимаешь по-хорошему... как знаешь...

От бывшего приподнятого настроения не осталось и следа. Умед покорно поплёлся за своим палачом на плаху, лихорадочно прикидывая – как он себя должен будет вести, что следует говорить и чего – категорически нельзя. По пути, он предусмотрительно отключил свой мобильник.

В отделении милиции, в «обезьяннике», скопилось уже внушительное количество таких же «правонарушителей». Парень коротко кивнул головой несчастным соплеменникам и стал покорно ждать своей участи.

В кабинете, куда его вызвали через пару часов, кроме знакомого ему сержанта, находился ещё один грузный лейтенант внушительной комплекции. Умед, по привычке, слегка потёр себе бока. Однако, на сей раз, обошлось без рукоприкладства. То ли «народу» было слишком много, то ли – и в самом деле – сказывался праздничный день...

Его тщательно обыскали, заставив раздеться. Сначала детально была изучена куртка: проверили все карманы, ощупали рукава и прокладку. Затем, тщательно обыскали и брюки, не забыв хорошенько обследовав ремень: обычно туда безмозглые гастарбайтеры пытаются спрятать свои деньги.

Наконец, парень остался перед пьяными сотрудниками милиции в одних трусах, носках и ботинках.

– Снимай! – устало бросил лейтенант, поглядывая на часы. Время шло к полуночи.

– Что – трусы? – не понял Умед.

– Трусы тебя заставят снять в другом месте! – не выдержав, расхохоталась туша. – Обувь снимай!

– Если б, ты только мог себе представить – как я обосрался в тот момент. – признался мне на следующий день Умед, рассказывая свои злоключения. – «Ну, всё! – подумал я, снимая ботинки, – если они сейчас заставят меня снять и носки, то... это будет конец!»

– Что было дальше? – еле выдавил я, представив себе жуткую картину сегодняшней реальности.

– А ничего. – весело рассмеялся мой знакомый. – Вернули всю одежду, а затем этот толстый лейтенант потребовал, чтобы я позвонил кому-либо из знакомых и попросил, чтобы меня выкупили. Это у них обычный приём. Естественно, я ответил, что у меня здесь никого нет.

– Тогда звони на работу! – вмешался знакомый сержант.

– Я ещё не успел устроиться...

Наконец, в бессилии хлопнув кулаком по столу, толстый прослезился:

– Ну, неужели в наш праздник, ты не поставишься хотя бы бутылкой вшивого коньяка?!
Хоть капля совести в тебе осталась?

Умед разжал свой кулак и показал блюстителям закона три смятых червонца.

– Это всё, что у меня есть, чтобы добраться до дому – жалостливо произнёс он, пытаясь сыграть на сочувствии к несчастному гастарбайтеру.

– Ну, что с тобой поделаешь? – нехотя процедил сквозь зубы мент, изымая несчастные «тридцать сребреников». – Ладно, повезло тебе, что у нас праздник... Пшёл вон! – Сержант грубо ткнул Умеда в спину. И, обратившись к напарнику, заключил:

– Хоть на пиво заработали...

– Следующий! – раздраженно рявкнул в сторону двери его коллега.

Когда бессильны мать и отче...

Среднеазиатские зарисовки. Фото Н. Окды

Меня уже давно не удивляет тот факт, что чуть ли не половина штата пищеблока укомплектовано гастарбайтерами – выходцами из среднеазиатских республик. С трудом изъясняясь по-русски, они – тем не менее – за гроши готовы безропотно выполнять любую работу, за которую, кстати, не возьмется ни один нормальный россиянин. На что только не пойдешь от безысходности... Однако, пусть это останется на совести российского работодателя, алчного до денег.

На днях, в очередной раз, поменялось руководство столовой. Как и следовало ожидать, тендер выиграли жесткие крутые пацаны, перехитрившие своих конкурентов в нелегкой борьбе за теплое место под солнцем. Естественно, нас – весь штат рядовых сотрудников – сдали с рук на руки, как обыкновенных рабов, под расписку. Про подробную процедуру, промолчу – стыдно...

Как известно, всё познается в сравнении. Так вот, с приходом новых директоров, кураторов, заведующих производством, шефов и их многочисленных заместителей, бывшее начальство, на которое мы в свое время вполне справедливо роптали, показалось нам ангельским сообществом херувимов. И если раньше, на каждого работающего повара приходилось по надсмотрщику, то со сменой власти количество дармоедов увеличилось вдвое. Но и это ещё – полбеды. Настоящая беда оказалась в несостоятельности и некомпетентности людей, назначенных на столь ответственные посты. Зато, амбиций – выше крыши.

Однако, ближе к делу...

Новая заведующая производством, напоминающая своими манерами известную Салтычиху, едва вступив в должность, легко расправилась со своими прежними коллегами по ста-

тусу, заставив последних уволиться чуть ли не на следующий день. Причем, все формальности, умудрились оформить за день. Повара в шоке. Несчастные гастарбайтеры, которых и так было не слышно, забились по своим углам, с удвоенной энергией отдавшись работе. Тем не менее, в один из дней, очередь доходит и до них.

Немолодая Диля, приехавшая на заработки из Таджикистана, работает в кондитерском цеху. По-русски, едва понимает, изъясняется же, и того хуже. Зато отменно печет пирожки, ватрушки и прочую сдобу. Внезапно возникшая в проеме огромная фигура заведующей, застаёт Дилю врасплох, отчего та перестаёт вымешивать тесто, с испугом уставившись на начальство. Последняя, просканировав помещение на предмет нарушений и не найдя явного повода – к чему бы такому придраться – останавливает свой взор на руках женщины. И назидательно поучает:

– Для замеса теста, существуют перчатки: никогда не следует замешивать рукой! Это ты должна запомнить как «Отче наш»! Ясно?!

Несчастливая землячка, поспешно кивает головой, выпучив от страха глаза и подставляя руки под кран.

Наконец, едва только заведующая переключается на очередную жертву, Диля подбегает ко мне и осторожно осведомляется:

– Очи кия, ин гуфт?! («Чью мать /она имела в виду/?!»)¹

«Господи! – взываю я к Всевышнему, закатывая глаза к потолку – Дай мне терпения и силы, вынести то, с чем поневоле приходится сталкиваться в наше удивительное время!»

¹ «Оча» (тадж.) – «мать»

«Живые несуны»

Среднеазиатские зарисовки. Фото Н. Окда

Полагаю, что не сделаю великого открытия, если подтвержу верность расхожего мнения о том, что плох тот повар, который не может сэкономить и не принести хоть что-нибудь в дом. Во всяком случае, за свою тридцатилетнюю практику, мне ни разу так и не удалось опровергнуть данный тезис, столкнувшись хотя бы с одним «идеальным» поваром. Ну, бывает... не повезло, видимо...

Естественно, речь идёт не о мишленовских звёздах и асах мировой кулинарии (с их высокими гонорарами и прочее), а о простых смертных – рядовых работниках многочисленных ресторанов, кафе, бистро и столовых...

На худой конец, в конце рабочего дня всегда остаётся какая-то часть невостребованной клиентами продукции, внешний вид которых, назавтра уже будет, мягко говоря, не совсем товарный. Что-то, идёт в переработку, что-то, можно пустить на утро, а что-то – просто, списывается (остатки салатов, отварные сосиски, котлеты, которые весь день пролежали на мармите...). Словом, «несчастному бедному рыцарю» от кулинарии всегда найдётся – чем поживиться.

В этой связи, невольно вспомнилась одна история, когда ко мне в гости приехал старший брат.

Как всегда, придя с работы, я стал разбирать сумку с продуктами, приобретенными в нашем небольшом гастрономе, по соседству с домом. А заодно, извлек сверточек из фольги, с тремя домашними котлетками и маленький пищевой контейнер, с тушеной капустой.

– Что это? – удивился брат.

– А-а... так... – замялся я слегка – Не обращай внимания. Это я с работы принёс. Кстати, сейчас перекусим, пока будет готовиться основное блюдо.

– Так ты, оказывается, «несун»! – затрясся от смеха брат, вспомнив наше советское прошлое.

– Несун... – вынужден был согласиться я. – ещё какой несун.

А вспомнил я эту историю потому, что на днях произошел ещё один забавный диалог, между нашей мойщицей Мунирой и моим напарником по цеху Володей – грузным мужчиной из Тирасполя, которому уже под «полтинник».

Мунира – это настоящий робот, который, помимо своих основных обязанностей, безропотно и безотказно помогает всем сотрудникам, без исключения. Понятное дело, каждый как может, старается отблагодарить неутомимую и добросовестную гастарбайтершу.

– Чё бы, тебе дать такое... – вслух размышляет Володя, в конце рабочего дня.

– Я салат хочу дома сделать... – подсказывает ему Мунира и тут же, скромно опустив глаза, пытается пояснить на своём неважном русском – Дай мне два огурца: один солёный, другой – «живой»!

При этом, букву «ж» она произносит как-то по-особенному, на восточный манер (своеобразный симбиоз букв «ч» и «ж»).

Пока Володя, вытаращив на неё глаза, силится напрячь свои мозги, я, не удержавшись, громко роняю:

– Мунира, отстань от Володи: у него там уже, давно, не «живой», а мертвый огурец...

В следующую секунду, взрыв хохота сотрясает театральную столовую. Причём, больше всех смеётся Мунира.

После чего, мы вновь готовы к нашим очередным нелёгким трудовым будням.

Железная женщина

Среднеазиатские зарисовки. Фото Н. Окда

Маленькая, но шустрая Мунира, прикованная «мойке» – одна из многих моих землячек-гастарбайтеров, приехавшая в Россию, в поисках работы. На вид, ей от силы, можно дать лет 25 – 27, хотя, судя по тому, что у неё двое взрослых детей (6-летний сын, находящийся при ней, в Питере и 12-летняя дочь, оставленная в далёком Таджикистане), можно догадаться, что это уже далеко не молодая мать. При этом, работает она без устали, по 12 часов в сутки, но самое поразительное – без выходных.

– Неужели, ты не устаёшь?! – обращаюсь я к ней, во время короткого обеденного перерыва. – Ведь, тебе могут дать выходной!

– Что ты, что ты: не надо мне выходных! – округляет в испуге свои черные восточные глаза помощница и, как бы обращаясь к себе самой, переходит на шёпот. – Что я сюда, на отдых приехала, что-ли...

– Но ведь, тяжело работать ежедневно! – не унимаюсь я. – Никакие деньги не стоят подорванного здоровья! Так и недолго сломаться можно...

– Ничего... – успокаивает меня подруга и расплывается в широкой улыбке. – Я «темир-хотин»!

– Чего-чего?!

– «Железная женщина»! – поясняет Мунира и, не выдержав, заливается смехом.

И я замечаю озорные искорки в её глазах.

На самом деле, она – конечно-же – устаёт, хотя старательно и пытается скрыть это от окружающих. Особенно, от начальства, которого она боится, чтит и боготворит. Где ещё она сможет заработать 30 тысяч рублей в месяц?! И неважно, что помимо своей основной работы, приходится мыть полы, убирать мусор и прочее. Мыслимо ли, найти такие деньги там, на родине? Кто поможет вырастить и поднять на ноги детей, дать им достойное образование, наконец, справить ту же самую свадьбу, на которую, как правило, уходят немалые деньги? Мужу одному не справиться. Кстати, супруг её также, на какой-то стройке в Питере, подрядился таскать кирпичи. Но у него, по крайней мере, существуют два законных дня, позволяющие отдохнуть и прийти в себя. А тут...

Однако, Мунира не жалуется. Более того, она счастлива, что работает в таком престижном месте, в самом сердце северной столицы.

До нового года остаются считанные дни. Тут, я вдруг вспоминаю, что несмотря на то, что работаем мы по графику, 1 января – это официальный выходной не только для бюджетников, но даже и для нашего трудового коллектива.

– Мунира! – радостно обращаюсь я к ней. – А ведь, 1 января мы все отдыхаем, представляешь?! И ты в том числе!

– Да?! – не верит своим ушам моя помощница, но буквально в следующую секунду, улыбка сходит с её лица, а уголки губ опускаются вниз. – Эх, жалко...

– Не понял: кого тебе «жалко»? – недоумённо вопрошаю я.

– Не «кого», а «чего»! – поправляет меня землячка, после чего расстроено произносит. – Надо же: целый рабочий день пропадает впустую...

Будни гастарбайтеров

Самарканд, площадь Регистан. Фото автора, 2014 г

Типичное питерское кафе-магазин, штат которого почти наполовину укомплектован гастарбайтерами и пенсионерами. Однако все люди вполне добросовестные, трудолюбивые, с известными представлениями о морали, долге, чести и так далее...

Нам, с Лидией Александровной – пенсионеркой с солидным стажем, но ещё очень даже «живой» и энергичной – каждый день приходится заготавливать салаты и полуфабрикаты для кафе. Забирают их у нас каждое утро две сестры (родом из Самарканда), которые обслуживают очень привередливых клиентов в одной из стоматологических поликлиник города.

Почти каждое утро одно и то же:

– Нет, Вы себе представляете, Лидия Александровна? – усталым голосом жалуется моей напарнице одна из сестер. – Мы и так, уже не знаем – как им угодить: каждый день придумываем что-нибудь новое, оригинальное, чтобы не повторялось; жарим прямо у них на глазах; всё свеженькое, с пылу, с жару... блять, дома так не готовишь, а они? Ссуки! – не в силах более сдерживать себя, срывается Татьяна. – Надоело уже... достало... и бросить не могу.

– Ну что ты, Танюшка, успокойся: не обращай внимания. – Как может, старается утешить её старушка, сама уже вконец уставшая от однообразной и невыносимой работы. – Нам с тобой без работы никак нельзя. Надо стиснуть зубы и молчать. А эти... Чем больше стараешься, тем больше выпендриваются. У них денег-то немерено: где-нибудь в ресторане, поди, так деньгами швыряются, что даже не считают, а тут, где всё дешево, качественно и вкусно, не знают, до чего бы придраться.

– Нет, ну вот, Вы сами посудите – продолжает изливать свою душу Таня. – Вот, вчера, например: подходит одна из них и, тыча пальцем в витрину, спрашивает: «А это свежее?» (скорчив физиономию и передразнивая). Ведь, прекрасно знает, что свежее! «Покажите. Переверните. Ой, я её не буду: Вы руками взяли!» П@зда: будто не видела, когда я её жарила. Чем же её брать, как не руками? А тут, видите ли, брезгует...

– Ага, ага – поддакивает Лидия Александровна, полностью разделяя Танюшкино негодование. – Ишь, мы какие! Нет, ну надо же! А дома-то, у себя, небось, когда кое-что обеими руками берет, так это – ничего, да?!

Тут мы все прыскаем со смеху, и плохое настроение у сестриц в момент улетучивается.

Вот, что значит возраст и опыт: вовремя внести разрядку. И сестры вновь готовы к ещё одному тяжелому и изнурительному трудовому дню.

Родственные души

Среднеазиатские зарисовки. Фото Н. Окды

– Говорите по-русски! – всякий раз возмущается Надя (моя коллега по цеху), застав меня за очередной беседой с земляками-гастарбайтерами, которые составляют чуть ли не треть штата работников нашей столовой.

– А шо цэ такэ?! – недоумённо вопрошаю я, подыгрывая сотруднице. – Почему?

– Потому! – коротко и сурово разъясняет неосознательному товарищу Надежда – Потому что, мы находимся в России!

– А чуваша и удмурты где по Вашему находятся? – невольно вырывается у меня. – А буряты, якуты, калмыки...

Про Татарстан, Башкортостан и Кавказ я сознательно не упоминаю, заранее предвидя, во что может перерасти наш спор.

И вообще, с недавних пор, я заметил за собой одну удивительную странность: то есть, поймал себя на мысли, что всячески стараюсь избегать так называемых щепетильных тем, после которых на душе остаётся привкус какой-то горечи от осознания того, что сколько ты тут не хрипи... сколько ни доказывай, тебя всё равно добьют самым главным аргументом, вот этой самой «кувалдой» – «А потому!»

А посему, предвидя возможные трения, я мгновенно пытаюсь перевести русло разговора в сторону юмора. Ну, люблю я когда люди смеются и улыбаются друг другу!

Прошёл год. Надежда уже свыклась с присутствием иностранной речи в «исконно русской» столовой, давно махнув рукой на безуспешные попытки перевоспитания. Правда, пару раз, всё же было... видимо, когда мы чересчур (по её мнению) начинали забываться:

– Вы опять говорите не по-русски?! – приняв патриотическую позу, гневно осведомлялась она.

После чего, уровень громкости и накал восточных эмоций заметно снижался. Минуты на две – три...

Со временем, наши роли с Надеждой кардинально меняются, и вот, уже я начинаю подначивать над своей коллегой.

– Поддай, пожалуйста, нож! – обращается ко мне Надя.

На что я, округлив в ужасе глаза и обхватив руками голову, обращаюсь к Мунире:

– Нет, ты слышала?! Она всё ещё говорит по-русски!!

Постепенно, раздражение сменилось на... любопытство и некоторую заинтересованность.

Каждое утро, прежде чем отдать на раздачу то или иное блюдо, мы с Мунирой проводим тщательную инвентаризацию продуктов, проверяя последние на свежесть. Мунира – это моя помощница, работающая на «мойке».

Диалог, как правило, немногословный.

– Ин чи? («Это что?» /тадж./) – вопрошает она меня, доставая остатки вчерашних котлет, которые скукожились и высохли до неузнаваемости.

– Партет! («Выбрасывайте!») – коротко роняю я.

– Ина чи? («А это?») – доставая пластиковый контейнер с салатом.

– Ин хам, партет! («Это тоже, выбрасывайте!») – приносиваясь, выношу безжалостный вердикт. – Ин кўйна...

– Ой, а что ты только что произнёс? – оживляется вдруг Надя, внимательно следившая за нашим диалогом.

– Я сказал, чтобы она выбросила салат... – с недоумением оборачиваюсь к коллеге.

– Нет-нет! Последнее слово повтори, пожалуйста!

– Кўйна... То есть, «старый»... «испорченный».

– А-а... ну, да конечно – загадочно улыбается Надюша и с восхищением подтверждает – Надо же, насколько, оказывается, родственны и близки по смыслу и произношению наши языки: и в самом деле – «@уйня»!

Амир

Среднеазиатские зарисовки. Фото Н. Окды

Директор коммерческой фирмы «Токмас» Анна Олеговна Змеенкова давно поняла, что гастарбайтеры – это самый идеальный контингент. Во-первых, они трудолюбивы и не чураются никакой грязной работы. Во-вторых, за сущие гроши они готовы работать с раннего утра до позднего вечера. В-третьих, они юридически безграмотны и бесправны и, следовательно, им не взбрѣдет в голову качать свои права или бежать кому-либо жаловаться. Ну, и конечно, самое главное – на них можно неплохо сэкономить.

Она по-деловому, со знанием дела подошла к своей работе. Для того, чтобы содержать в надлежащем виде пятиэтажное здание культурного центра, требуется немало средств и рабочих рук. Энергичная предпринимательница сумела выбить на эти цели, довольно кругленькую сумму от городских властей, которые, в свою очередь, преследовали свои политические интересы: пусть теперь попробуют обвинить власть в том, что она не заботится о культуре.

Затем было составлено две ведомости: одна вполне официальная, для проверяющих органов, а вторая – для внутреннего пользования и обслуживающего персонала. Каждый из вновь нанимаемых на работу сотрудников был заранее уведомлен о том, что при получении зарплаты, он автоматически обязан расписываться в обеих ведомостях. Разница шла в карман предприимчивому директору, которая за полгода умудрилась пересесть из подержанной иномарки в новенький «джип».

– Будьте начеку! – предупреждала она новичков. – В случае чего – вы мгновенно снимаете с себя униформу и представляетесь случайными слушателями или гостями нашего центра, ясно?!

Неприятностей с законом иметь ей вовсе не хотелось...

Амир гордился, что работает в самом центре культурной столицы. В обязанности двадцатилетнего гастарбайтера из Узбекистана, входила чистка ковровых дорожек. Целый день он торчал в прачечной, занимаясь химчисткой. Кроме того, в любое время дня его могли оторвать от основной работы и направить на любой другой участок, где срочно требовались рабочие руки. Естественно, он безропотно выполнял любые указания начальства. Ещё бы: где бы он мог заработать целых 20 тысяч рублей?

Неважно, что практически всё своё время он проводил на работе, выкраивая для сна по 4 – 5 часов в сутки. В конце концов, он приехал в Россию не на курорт, не прохладиться, а чтобы заработать денег на свою же предстоящую свадьбу. Чтобы такие деньги добыть у себя на родине, ему пришлось бы без выходных работать не один месяц. А тут... подумаешь...

Правда, ежедневный недосып всё же давал о себе знать: сказывалась усталость, общее недомогание по утрам и какая-то непонятная вялость в конечностях, в конце рабочего дня. Однако, желание поскорее уснуть заглушало боль в изможденном теле и вскоре действительно сон брал своё.

Следует отметить, что помимо прочего, Амир почти никогда не разлучался с пылесосом, который как бы прирос к его спине: ежедневно, как только находилась свободная минутка, он обязан был чистить многочисленные дорожки и ковровые покрытия, находящиеся в огромном здании культурного центра.

Мать его – худосочная 40-летняя женщина, которая выглядела на все пятьдесят, работала здесь же, уборщицей. Впрочем, в её функции также входило немало обязанностей, что являлось вполне типичным для всего штата завербованных рабов. Ибо, каждый из них являлся универсальным многостаночником, совмещая ради куска хлеба и крыши над головой несколько смежных профессий. Деля с радостью бы поменяла эту адскую работу, но выбора не было. К тому же, успокаивало то, что сын находился рядом, что называется, на глазах.

В тот злосчастный понедельник необходимо было срочно повесить выстиранные и проутюженные шторы и занавески в концертном зале. Сделать это было непросто, поскольку окна были шестиметровой высоты, а потому Амиру пришлось взбираться на шаткую стремянку. Стоя на самом верху, он с трудом дотягивался до карниза, нанизывая петли на крючки. В какой-то момент, рука неожиданно сорвалась с крючка и парень, потеряв равновесие, с огромной высоты полетел вниз.

Раздался истошный женский крик, после чего весь обслуживающий персонал, мгновенно прекратил работу, кинувшись к несчастной жертве. Бедный парень бился в конвульсиях рядом с причитавшей матерью, которая голосила, не зная, что делать и как помочь сыну. Кто-то уже вызывал по мобильнику «скорую».

Вдруг, в помещение, словно фурия, ворвалась раскрасневшая Анна Олеговна и, подскочив к корчившемуся на полу телу, стала стаскивать с него униформу.

– А-а!! – закричала пуше прежнего, бедная мать, протягивая свои руки к директору, пытаясь её остановить.

– Замолчите немедленно!! – прикрикнула, в свою очередь, та на несчастную женщину и, обратившись к толпе, сурово приказала: – А ну, живо по местам!

Народ покорно стал расходиться...

– Амир, ты меня слышишь?! – шлёпая по щекам, наклонилась к несчастному мальчику, начальница. – Если они тебя спросят, скажи, что ты сюда совершенно случайно зашел – просто, посмотреть, понял?! Ты меня слышишь?!

Рядом, распластавшись на полу, выла убитая горем мать, перекатываясь из стороны в сторону.

– Дайте ей срочно воды и выведите отсюда! – скомандовала Анна Олеговна своим подчиненным, продолжая теревить не пришедшего в сознание несчастного партня. – Ты меня слышишь, Амир?! Запомни: ты здесь не работаешь... ясно?!

... Через месяц, мать Амира явится за зарплатой сына.

– Я ничего не знаю: пусть он сам ко мне придёт, и тогда поговорим... – заявила предпринимательница, узнав, что парень остался жив.

– Но он не может встать... – слёзы непроизвольно навернулись на глаза несчастной женщины. – И потом: я, всё же, его мать...

– Я дважды не люблю повторять! – ледяным тоном отрезала директорша, устраиваясь удобней в свой «джип» и хлопнула дверцей автомобиля перед самым носом Дили. – Вы и так уже мне столько нервов истрепали!

Новенькая иномарка резко тронулась с места, обдав гастарбайтершу облаком пыли и выхлопных газов, исчезнув вскоре совсем из виду.

Адаптация

Среднеазиатские зарисовки. Фото Н. Окды

Волна эмигрантов и гастарбайтеров уже давно докатилась до берегов Невы. Мне много раз доводилось видеть своих земляков, работающих на стройке, подметающих питерские дворы, обслуживающих многочисленные кафе и столовые, где они буквально приросли к «мойке» и швабре. А вот, в аэропорту – ещё не доводилось...

Пройдя многочисленные кордоны, обеспечивающие безопасность нашего перелета, я наконец-то очутился в так называемом накопителе – большом и просторном помещении, с кондиционерами «зима-лето» и удобными кабинками для туалета. Вот только таблички, ведущей к комнате для курения, почему-то нигде не нашёл.

К великому изумлению, возле туалета, я заметил двух землячек в униформе, которые только что подмели и прибрались во вверенном им участке. Я инстинктивно рванулся к ним.

– Простите, а где тут можно покурить? – вежливо поинтересовался я.

Симпатичная женщина лет сорока округлила свои глаза:

– Что Вы, что Вы! Здесь категорически запрещено курить!

И тут же, заговорчески подмигнув, и понизив голос, доверительно сообщила:

– Но, если очень хочется, то можете покурить в туалете, а я Вас покараую...

– То есть? – не понял я.

– Ну, в общем, за 50 рублей я не только закрою глаза на это нарушение, но ещё постою на «атасе».

«Обана! – подумалось мне. – Приехали...»

Курить мне почему-то сразу расхотелось. Остался только какой-то неприятный осадок.

Ни слова не говоря, я с силой дёрнул дверь туалетной кабинки на себя. И тут же, следом за мною поспешила встревоженная уборщица.

– Тут нельзя курить!! – заверещала, было, она...

– Закройте сейчас же дверь с обратной стороны и оставьте меня в покое! – заорал я на неё, в свою очередь. – Я и без Вас знаю – для чего предназначены туалеты!

И сразу вспомнил про оригинальных американцев, которые вешают в подобных помещениях таблички следующего содержания: «Не бросайте окурки в наши писсуары, ведь, мы не писаем в ваши пепельницы».

Землячка нехотя повиновалась, нетерпеливо поджидая снаружи.

Едва я открыл дверь, как она в ту же секунду ворвалась в туалет и стала водить своим длинным носом во все стороны:

– Не курил? Нет? – подозрительно осведомилась она, перейдя, почему-то, уже на «ты» и усиленно втягивая в себя ароматы сортира.

Я со злостью захлопнул дверь и с грустью направился к своей ручной клади.

Ни рыба, ни – мясо...

Среднеазиатские зарисовки. Фото Н. Окды

Феруз – двадцатилетний парнишка из Узбекистана, приехал на заработки в Россию. Русского языка почти совсем не знает. В семи комнатной коммунальной квартире ютятся 57 земляков – гастарбайтеров. Словом, обычная картина.

Через неделю, не без помощи друзей, ему удалось наконец-таки устроиться на стройку, таскать кирпичи.

Поздним вечером, после первого трудового дня, усталый, но довольный, вваливается в свою ночлежку.

– Ну, как? – обступают его земляки.

– Вот, семьсот рублей дали... – гордо демонстрирует он заработанные деньги. – Только, я не понял: идти ли мне завтра на работу или нет?

– Что тебе сказал бригадир?

– Не знаю... То ли рыбу надо завтра разгружать, то ли – мясо... Я же по-русски не понимаю...

– У тебя есть номер телефона бригадира? – вдруг спохватывается один из его друзей. – Ты, хоть, запомнил – как его зовут?

– Володя – отвечает Феруз и достаёт из кармана аккуратно сложенный вдвое огрызок бумажки.

Товарищ, более-менее сносно владеющий русским языком, достаёт свой мобильник и начинает набирать записанный на листочке номер.

– Алё! Здравствуйте, это Володя?!

– Да. А это -кто? – в свою очередь, интересуется бригадир.

– Простите, Вы Феруза знаете? Он у Вас сегодня работал...

– Да... – смущённо произносит Володя, вспомнив про новичка, которому он обещал заплатить в конце работы тысячу рублей. И уже в следующую секунду его охватывает праведный гнев на непутёвого работника, с которым ему предстояло сегодня изрядно намаяться. – Но ведь, я заплатил ему...

– Да, да. – поспешно соглашается собеседник. – Он только хотел выяснить – во сколько ему завтра выходить на работу? То ли рыбу разгружать, то ли – мясо... Что Вы ему сказали?

Наступает некоторая пауза, после чего, трубка разряжается диким хохотом. Наконец, с трудом взяв себя в руки, бригадир проясняет:

– Я ему сказал, что он – «ни рыба, ни мясо», и что мне такие работнички больше на хер не нужны!

Велик

Велосипед советских времён. Фото из интернета

Вероятно, у каждого из нас в детстве было заветное желание. Моей светлой и недостижимой мечтой был велосипед. Сначала – трёхколёсный, а чуть позже – в классе четвертом-пятом – настоящий, двухколёсный. Нет-нет, не «ПВЗ»²: тот был слишком «взрослым» для меня, да к тому же и чрезвычайно дорогим – пятьдесят два рубля. Об этом не могло быть и речи. Меня вполне устроил бы «Школьник» или – на худой конец – «Ласточка». Правда, последняя модель, считалась «дамской», ввиду отсутствия передней рамы, но с другой стороны, это даже было, скорее, её плюсом, поскольку избавляло нас – низкорослых юнцов – от мучительных попыток, запрокидывать ноги через высокую раму «взрослого» велосипеда. И по цене, второй тип «великов» был гораздо привлекательней – что-то, около 35 рублей. Однако и такая сумма, по тем временам, представлялась довольно внушительной для бюджета среднестатистической советской семьи.

Особенно, если учесть, что нас у папы с мамой было аж целых пятеро детей. Тут уж, моим родителям, волей-неволей, приходилось придерживаться мудрой и осторожной политики, во избежание всевозможных обид со стороны остальных членов семьи, что выглядело вполне справедливо. А потому, рассчитывать на столь щедрый подарок, я мог лишь весьма гипотетически, в своих самых смелых и невероятных фантазиях. Это выглядело примерно также, как чуть позже, я вычитаю в книжках по астрономии: да, есть далекие галактики, да,

² ПВЗ – Пензенский велосипедный завод

существуют в них звездные системы, подобной нашей, и даже, очень возможно, что имеется жизнь на какой-нибудь из них, но – вероятность контакта настолько мала... Словом, шанс был невелик, однако, именно эта слабенькая надежда, удивительным и непостижимым образом перевешивала всё остальное.

Тем более, что мои мягкосердечные родители, не желая расстраивать ребенка, дипломатично уклонялись от конкретного ответа, не говоря ни «да», ни – «нет». Это ещё более распахало детское воображение: образ «золотого тельца» на двух колёсах, прочно засел в моём сознании – велосипедом я грезил целыми днями и бредил во сне, по ночам. Иногда, мне казалось, что эта мечта вот-вот близка к воплощению, но всякий раз, в самый последний момент, неизвестно откуда взявшиеся непредвиденные обстоятельства, препятствовали осуществлению заветной мечты, вновь отодвигая её на новый неопределенный срок. То, что происходило в такие минуты в ранимой и хрупкой душе ребёнка, невозможно передать словами. Обида – это совсем не то слово: эти чувства способен понять лишь тот, кому хоть раз довелось оказаться в подобной ситуации. Каждый раз, с трудом находя в себе силы, я «поднимался на ноги» и, заглушая в себе боль и зализывая раны, вновь и вновь пытался заставить себя поверить, что уж, вот в следующий раз, я буду обязательно вознагражден за все свои душевные муки и страдания. И каждый очередной такой случай, оставлял в моём сердце глубокие шрамы, которые, заживая со временем, оставляли, тем не менее, заметные следы и душевные рубцы в легко ранимой детской душе. Что тут скажешь: ребёнку так свойственно и ближе по своей природной сути, верить в чудо...

Мне бы, поднатужиться, поднапрячь немного свои детские мозги: прикинуться на недельку-другую паинькой и послушным сыночком; подналечь и принести со школы хотя бы две-три «пятерки»; поймать удобный момент, когда папа с мамой смеются, подойти к ним и тихо сесть рядом, изобразив на лице страдальческое выражение, полное скорби и утраты... И – всё! Можно смело подготовить кусок марли или фланелевую тряпочку для любовной протирки и чистки новенького седла и бардачка, от которых так пахнет умопомрачительной кожей и магазином! Однако, с Хитростью, дела у меня обстояли неважно: видать, пока я, раскрыв от удивления рот, изумлялся этому миру, остальные – более шустрые сверстники – разобрали ходовой, нынче, товар. А потому, когда я приплёлся к «шапочному разбору», со дна мешка, глупенько, хлопая своими невинными глазками, на меня взирали лишь Доверчивость и Наивность. Так что, выбора у меня не было: пришлось довольствоваться тем, что осталось.

Позднее, став значительно старше, я так и не сумею полностью избавиться от этой «парочки», осуждаемой на всём трезвомыслящем Востоке, часто являясь предметом для язвительных насмешек со стороны товарищей и вызывая бешеную ярость и стыд в душе моего старшего брата. Именно ему, впоследствии, я буду обязан многим урокам, что преподносит нам жизнь, и на которые иногда совсем не просто дать однозначный ответ. Конечно же, брат меня любил и жалел, но в немалой степени, его рвение и усердие в этом вопросе объяснялось тем, чтобы позорное пятно «дурачка-простофили» не легло на всю нашу семью. И в этом – надо отдать ему должное – он преуспел. Хотя, однажды, всё-же, причинит мне очень острую боль, легкий след от которой до сих пор даёт о себе знать. Но об этом чуть ниже...

В один из дней, Судьба сжалится надо мной: родители пригласят меня для беседы в гостиную. Надо ли, описывать то волнение, когда я переступил порог главной комнаты, являющийся одновременно и кабинетом отца. Сердце колотилось столь неистово и сильно, что, казалось, ещё немного – и оно выскочит из груди. Папа встретил меня стоя у стола, мама же, сидела в кресле, чуть поодаль, у окна. Прямо над их головами, со стены, на меня ласково и добродушно смотрели два портрета: молодой красивый папа, с густыми мохнатыми бровями, и совсем юная мама, в национальной тюбетейке, из под которой многочисленными ручейками-струйками ниспадали длинные девичьи косички. Я перевел свой взгляд с портрета на маму, которая

продолжала как-то сдержанно и загадочно улыбаться. Мама преподавала в младших классах в той же самой школе, где я учился, а потому была в очень тесном контакте с моими учителями.

– Значит так: мы тут, с мамой, посоветовались – по привычке, сдержанно произнёс родитель, словно он по-прежнему находился у себя в редакции, на планёрке. – В общем, велосипед мы тебе можем купить, но... при одном условии: ты обязан до конца учебного года исправить «тройку» по ботанике. Договорились?

Боже мой! Я не верил своим ушам! Какой может быть разговор: исправлю, конечно-же, исправлю! Расцеловав на радостях родителей, я метнулся к отрывному календарю, что висел у нас в коридоре: до летних каникул оставалось ещё долгих два месяца. Мне ничего другого не оставалось, как крепко стиснуть зубы: «Ничего-ничего, зато велик уже, можно сказать, тут, в коридоре». Я бросил взгляд на прихожую, прикидывая, где будет место «стоянки» моего будущего двухколёсного друга. И уже в следующую минуту, рылся у себя в портфеле, в поисках нужного учебника. Надо было основательно взяться за ботанику.

«Пестик, тычинка, рыльце, цветоложе... Однопольные, семядольные...» – зубрил я без усталости днём и ночью.

Одноклассники перестали меня узнавать: обычно, флегматичный и пассивный на уроках, я преображался, едва в класс входила «ботаничка». Нисколько не стесняясь своих друзей, я как самый последний негодяй, отъявленный «отличник» и «выскачка», изо всех сил тянул свою руку вверх в надежде, что, наконец то, учительница обратит на меня своё внимание и вызовет к доске. Но, по закону подлости, она, как назло, не замечала моё рвение. Постепенно, товарищи перестали со мной здороваться.

Во дворе, дело обстояло не лучшим образом. Меня, которого ни за какие коврижки невозможно было загнать домой, не видно было на улице. Друзья недоумевали: что случилось? Я же, поклявшийся себе – молчать до последнего момента, сознательно отказывал себе не только во всевозможных играх и викторинах, устраиваемых ежедневно нашей детворой, но и лишил себя самого главного праздника – футбола, который мы гоняли ежедневно до поздних сумерек.

Вскоре, мой аскетизм принесёт свои плоды: в дневнике, напротив предмета «ботаника» будут красоваться две «четверки» и одна «пятерка». Правда, по всем остальным урокам, я заметно сдам. Однако, это меня расстраивало менее всего: главное – я сдержал своё слово!

Приближался конец главной четверти. До заветного дня оставалось всего ничего. Никелированный блестящий обод переднего колеса «Школьника», уже отчетливо просматривался в проёме нашей двери. В один из дней, придя со школы домой, я заглянул в наш старый пузатый холодильник «Мир», в надежде перекусить что-либо на скорую руку. На удивление, он окажется пуст. Ничего путного, кроме молока, масла и яиц, моему взору не предстало. На короткое время я задумался. И тут, вдруг вспомнил, как однажды я был восхищён вкуснейшим омлетом, которым меня угостила Анна Ивановна, жившая этажом выше и которую все мальчишки нашего двора дразнили не иначе, как «Анна-Ванна». Глаза невольно закатились вверх, мысленно представив себе эту пышную вкуснятину. И я решил. Не скрою: сомнения терзали. Во-первых, подходить к плите, а тем более, что-либо самостоятельно готовить, нам категорически запрещалось. Ещё свежи были впечатления от первого кулинарного опыта, проводимого совместно с сестрой, когда мы решили пожарить картошку. Я вспомнил сожжённую сковородку, обуглившиеся и слипшиеся брусочки картофеля и жуткое облако дыма, застрявшее надолго под потолком, и невольно передёрнул плечами. Помню, как папа, с ремнём, гонялся за нами вокруг стола, а мы слёзно просили прощения, обещая, никогда больше в жизни не затевать подобных опытов. А во-вторых, я плохо запомнил рецепт: знал только, что там обязательно должны присутствовать вышеуказанные ингредиенты, но вот в каких пропорциях... И, тем не менее, я рискнул.

Руководствуясь чисто практическими соображениями и не задумываясь особо, я вбил в чашку четыре яйца, бухнув вослед пол литра молока. Добавил соли, немного сахара и, тщательно взбив всё это дело вилкой, налил первую порцию в холодную сковороду и поставил её на огонь. Вскоре, на поверхности весело забулькали пузырьки молока, однако, ожидаемой «шапки», почему-то, так и не появилось. Промучившись и вконец испортив первый омлет, я вначале заметно взгрустнул, но, вспомнив известную поговорку «первый блин комом», вновь воспрял духом и уверенно добавил немного муки. На сей раз, у меня вышло нечто среднее между блинами и оладьями, но, с «заплатками» и многочисленными комочками. В третью попытку, меня угораздило поместить сковородку с деревянной ручкой в духовку.

Наконец, когда оттуда повалил густой дым, я окончательно сник, поставив крест на своём эксперименте. Добросовестно отправив «омлет» в мусорное ведро и перебив кое-как посуду, я стал лихорадочно соображать – что бы эдакое придумать, дабы моё оправдание помогло мне избежать заслуженного наказания. На душе «скребли кошки». Не знаю – почему, но ноги принесли меня в гостиную.

Я осторожно перешагнул порог комнаты и бросил взгляд на портреты. Странно, но они смотрели на меня совсем по-другому, нежели пару месяцев назад. У папы, на переносице добавилась ещё одна складка, которую я не замечал раньше, отчего его взгляд показался мне сердитым и строгим, как у Карла Маркса, что висел у нас в школе, в кабинете истории. В мамин же взгляде, читался легкий укор и даже некое осуждение. Далее, находиться дома было невыносимо, более того – опасно: скоро должны были возвратиться родители. Чтобы скинуть с себя неприятные мысли, было принято решение развеяться немного на улице. И действительно: стоило мне оказаться во дворе, где меня встретила толпа ликующих товарищей, как угроза неотвратимого наказания показалась мне таким пустяком, что я очень скоро позабыл про все свои горести и печали. Через пять минут, мы уже вовсю гоняли мяч, предав забвению всё на свете.

Между тем, дома, где собрались все, за исключением меня, шло бурное обсуждение моего поведения. Как назло, именно в этот злосчастный день, наша классная руководительница передала моей маме табель с итоговыми оценками, в котором, наряду с «четверкой» по ботанике, красовались три жирные «тройки»: одна по физике и две – по математике. То, что меня ждало дома, было вполне естественным и закономерным. Неестественной лишь, могла показаться стороннему наблюдателю, реакция моих братьев и сестёр, которые – казалось бы – вопреки здравому смыслу, заметно оживились, если не сказать более – обрадовались. Однако, кто из нас не помнит того соперничества и тех потасовок, между отдельными членами семейства, которые имели место быть практически в любой приличной и уважающей себя семье? Причём, как правило, «весовые категории» соблюдались строго и неукоснительно. Так, например, в нашей семье, несомненными «тяжеловесами» были старшие брат с сестрой. Моим же, извечным соперником по отвоёвыванию жизненного пространства, являлась вторая сестра, которая была на два года старше меня. Самый незавидный и в то же время – самый удобный статус, имел мой младший брат, которому приходилось сражаться «против всех», и которому (по вполне понятным причинам) очень многое сходило с рук.

Итак, дождавшись, когда ярость отца достигла своей наивысшей точки, все дети, в предвкушении «премьеры», нетерпеливо заёрзали на стульях: каждому хотелось насладиться предстоящим спектаклем. Оставалось только послать гонца с извещением. Вскоре, когда мама молча положила перед главой семейства мой табель, гостиную оглушил грозный рык и, к величайшей радости старшего брата, ответственной миссия делегата была поручена именно ему. Надо отдать должное его фантазии и изобретательности, поскольку, справился он со своей задачей настолько блестяще, что многие послы умерли бы на месте от зависти.

Тем временем, ничего не подозревавший я, был с головой погружён в футбол. Ворвавшись в штрафную площадку противника и получив отличный пас, я уже развернулся, было,

для того, чтобы отправить мяч в «девятку», как вдруг, боковым зрением, увидел радостно бегущего мне навстречу брата, энергично машущего руками и орущего непонятно – что.

– Велик! – явственно и отчётливо донеслось до моего уха. – Иди скорей, посмотри, какой тебе купили велосипед!!!

Мяч медленно, как в кино, повис на какое-то мгновение в воздухе, а затем поплыл куда-то в сторону, в то время, как самого меня – плавно унесло в другую. Перед глазами внезапно вспыхнули розовые круги, а земля под ногами исчезла, то есть, совсем растворилась. Её просто, не существовало!

Я уже не помню, что я кричал в ответ брату, каким образом преодолел кажущееся бесконечным расстояние до дома, как ворвался домой и как сбрасывал на ходу свою обувь... Ничего этого не помню. Помню только, что, влетев пулей в комнату, с горящими глазами, едва выдохнул:

– Где велик?!

Окончательно же, приду в себя, когда увижу отца, судорожно расстёгивающего на поясе ремень и цедающего сквозь зубы:

– «Велик», говоришь? Сейчас я тебе покажу «велик»!

И тут, я впервые в жизни, вдруг ощутил, как где-то глубоко внутри просыпается какое-то неведомое мне прежде чувство, с которым никогда ранее не приходилось сталкиваться. Нет, велосипед здесь был совершенно ни при чём: о нём я уже успел забыть. То было совершенно иное... до боли сжавшее грудную клетку. Такое ощущение, словно, по чему то очень свято оберегаемому и тщательно скрываемому от всего остального мира, а потому, и – очень сокровенному и дорогому – пробежалась рота солдат, растоптав всё вокруг своими грубыми и грязными тяжёлыми сапожищами. Ощущение полной пустоты и разрухи...

Взбучку я, конечно же, получил. Хотя, папе с трудом удалось дотянуть до конца роль строгого и сурового родителя. Ибо, в такие минуты, он сам очень сильно переживал и еле сдерживал себя от того, чтобы не расчувствоваться и не приласкать свою несчастную жертву. И уже поздно ночью, когда я, всхлипывая и шмыгая носом, почти засыпал, вдруг знакомая тёплая и колючая щека нежно прошлась приятным наждаком по моему горячему лбу, после чего я окончательно успокоился и заснул.

КОСТЫЛЬ

Плато Устюрт. Фото автора

Взрыв лопнувшей камеры нарушил знойную тишину Устюрта, возвестив о нагрянувшей-таки беде.

Груженный КамАЗ прополз по инерции ещё несколько метров по раскаленному песку и остановился.

– П@здец – «приехали»... чуть слышно выматерился Роман и заглушил мотор.

Случилось то, чего он больше всего опасался.

«Сейчас они появятся» – мгновенно промелькнуло в мозгу.

Не мешкая более ни секунды, он быстро выскочил из кабины и, убедившись, что машина и в самом деле напоролась на тщательно замаскированный «костыль», торопливо кинулся доставать продукты.

– Живо, домкрат и ключи! – скомандовал он на ходу своему помощнику. – Ни на что не отвлекайся: мы должны как можно скорее управиться!

Напарнику – молодому мальчишке, лет двадцати – не было необходимости повторять дважды: по интонации своего наставника он сразу сообразил, что случилось нечто очень неприятное. И, несмотря на то, что суть произошедшего оставалась для него до конца неясной, уточнять детали не стал. Шустро захватив с собой тяжелый мешок с инструментами, он соскочил с подножки и принялся за работу, усердно пыхтя и копошась под лопнувшим колесом.

Тем временем, Роман уже достал пару бутылок водки, паяльную лампу и принялся открывать банки с тушенкой.

Наконец, боковым зрением он засёк, как из-за бархана сначала появилась одна голова, а спустя минуту, с противоположной стороны нарисовался ещё один силуэт казаха.

«И откуда они неожиданно возникают, когда ни единой души кругом не видно?! Словно черти из земли.» – бывалого шофера всегда изумлял этот факт.

– Будь проклят тот день, когда я сел за эту баранку! – выругался про себя Роман.

Подобная мысль посещала его всякий раз, когда случалось попадать в неприятные шоферские ситуации. Вот и сейчас: на какие-то доли секунды его сознание перенеслось в те далекие 60-е годы, когда он – молодой, полной энергии и готовый «свернуть горы» – пришел после армии в автоколонну, чтобы стать водителем большегрузных машин.

Это было время лириков-романтиков, когда будущее рисовалось в радужном свете; когда молодежь, воспитанная на фильмах-вестернах, вроде «Лимонадного Джо» и «Великолепной семерки», находилась во власти мужественных и справедливых идеалов; жаждала приключений, была полна азарта и известной доли авантюризма; наконец, когда ещё не было такого слова, – «дальнобойщик»: вместо него, в обиходе шоферов ходил подзабытый, теперь уже, термин «поливной»...

Воспоминания незаметно перенесли его в детство, заставив вспомнить свою родную школу Ленина и близких ему учителей. На преподавателей Роману и в самом деле сказочно повезло.

Вообще-то, если строго следовать фактам, то звали его не Романом, а Рузи. Созвучное русское имя укрепилось за ним вскоре после того, как он пошел в «русскую» школу и в этом не было ничего необычного.

Хулиганистый, но очень любознательный мальчик, с самого начала явил свои незаурядные способности, хотя и не отличался особой усидчивостью и прилежным поведением. Он рос таким баловнем судьбы, которому многое прощалось за его наблюдательный цепкий ум и несвойственную для его раннего возраста житейскую рассудительность. Ему поразительным образом удавалось с первого раза усваивать новый учебный материал, который прочно оседал у него внутри. Мальчик как губка впитывал в себя не только школьные, но жизненные уроки. Последние окажут ему впоследствии неоценимую услугу, за что к нему ещё в раннем возрасте прикрепится уважительная приставка «Ака», означающая как «старший и умудренный жизненным опытом брат».

Учителя ему прочили институтское образование, однако он, следуя своей внутренней интуиции, выберет для себя иной путь, полный романтики и приключений, который с лихвой заменит ему не один университет. И пусть, порой, он горько будет сожалеть о совершенном выборе, но, если быть честным до конца, то он ни за какие коврижки не променял бы свою судьбу, случись – всё начинать сначала. Ибо, только благодаря выбранной профессии, Ака-Рузи в полной мере сумеет познать и полюбить этот странный и удивительный мир, во всём его многообразии.

Только тут, находясь в постоянных путешествиях и контактах, сталкиваясь с различными типами и характерами, его внутренний духовный багаж наполнится тем богатым жизненным материалом и опытом, который не снился никакому профессору или доценту. И – чего, там, греха таить – довольно часто это интеллектуальное превосходство, выражающееся, прежде всего, в более глубоком изучении психологии человека, будет давать ему, иногда, повод для нарочито скромного, но подчеркнутого браваживания в среде таких же, как и он, но менее образованных водителей: мол, чего уж тут с нас возьмёшь – мы всего-навсего простые шофера. Подобное тщеславие, вероятно, компенсировало некий моральный ущерб, который так свойственен многим действительно талантливым людям, волею судьбы избежавшим стен высших учебных заведений.

За свою многолетнюю практику он насмотрелся всякого, а потому был готов к любым жизненным коллизиям, грамотно и верно оценивая сложившуюся обстановку и, с учетом обстоятельств, находя выход практически из любой нестандартной ситуации.

Вот и сейчас, возвратившись в действительность, он покрепче стиснул зубы и, набросив на лицо маску спокойствия и невозмутимости, приготовился к очередному поединку.

К этому времени, уже с пяток казахов топталось возле машины, молча присматриваясь к копошившемуся под колесом молодому водителю. Тот невозмутимо продолжал свою работу, свято памятуя наказ своего наставника: «ни в коем случае, не пытаться заговаривать первым, а уж тем более – не проявлять признаков возмущения».

Ещё свежа была в памяти история, приключившаяся с предыдущим напарником Романа.

Тогда машина «по уши» завязла в грязи, и для того, чтобы её вытащить, им пришлось почти полдня изрядно помахать лопатами, прорывая длинную траншею и присыпая её сухой землей.

В самый разгар напряженной работы неожиданно сзади возникла машина и стала настойчиво сигналить. За рулем сидел молодой и уверенный в себе казах. И хотя, бедственное положение безнадежно застрявшего КамАЗа было, что называется, налицо, упрямый дитя степи ни в какую не желал объезжать: ему непременно хотелось проехать прямо. А потому, он упорно не снимал руку с клаксона, действуя на нервы и испытывая последнее терпение несчастных водителей.

И тут, несмотря на многочисленные предостережения более опытного наставника, молодой помощник не выдержал и, выдернув наглеца из кабины, хорошенько врезал ему в ухо. Тот взвизгнул, мигом запрыгнул в свою машину и исчез..., чтобы через полчаса вернуться с целой ватагой своих соплеменников.

В тот раз, только невероятные дипломатические усилия Ака-Рузи, позволили сохранить молодому человеку жизнь. Можно сказать, ему здорово повезло: его всего лишь изрядно попинали, сломав пару ребер и отбив внутренние органы...

На этот раз, они, молча, наблюдали за водителем, словно чего-то выжидая. Впрочем, времени у них было предостаточно.

Наконец, когда всё было готово, Ака-Рузи, подойдя к «группе товарищей» и безошибочно вычислив среди них главаря, улыбнулся ему и жестом пригласил к импровизированному столу. На какую-то долю секунды «старшОй» опешил от такой учтивости и гостеприимства, но, быстро совладав с собой, неторопливой и вальяжной походкой направился в сторону халявы. Остальные покорно двинулись за вожаком.

Суровые законы знойной пустыни учат человека экономии своих ресурсов: они заставляют человека быть скупым на слова и лишние движения. Потому, многое здесь понятно без слов.

Ака-Рузи разлил по пиалушкам водку, пододвинул поближе к атаману миску с разогретой тушенкой и, подняв свой стакан, ещё раз дружелюбно улыбнулся хозяину пустыни. Тому невольно пришлось скривить в ответ некое жалкое подобие улыбки. Не чокаясь, компания, молча, опрокинула содержимое вовнутрь. Жидкость мгновенно растеклась по всему телу, приятно обжигая внутренности, после чего старшОй удовлетворительно крякнул и слегка подобрел. Это не ускользнуло от опытного взгляда водителя: сейчас во что бы то ни стало необходимо выиграть время.

После второй стопки вся шайка дружно зачавкала, игнорируя предоставленные ложки и макая грязными ручищами хлеб в миску с тушенкой. Главарь же, наоборот, откинувшись спиной к заднему колесу КамАЗа и постучав своей длинной палкой по борту, повернулся к Роману.

– Ня у?! («Что это?!») – коротко бросил он по-казахски, подразумевая груз, находящийся в кузове.

– Карам! – моментально ответил по-таджикски Ака-Рузи, давно ожидавший этого вопроса. Впрочем, русское «капуста», вряд-ли вызвало бы иную реакцию у степняка.

– Ня у?! – вновь мяукнул казах, на этот раз, имея ввиду «что означает сие слово?»

В ответ, шофер достал из кабины заранее приготовленный кочан капусты и протянул его жожаку.

Тот поморщился и заметно сник: уголки его губ грустно опустились вниз. Он разочарованно окинул взглядом своих собратьев и коротко сплюнул в песок: не такого улова они ожидали.

Мельком бросив взгляд в сторону копошившегося под колесом помощника, Ака-Рузи вновь наполнил пиалушки.

Теперь, самое главное – не давать повода для раздражения.

Исколесив по Устюрту десятки тысяч километров и хорошо изучив дикий и необузданный нрав местных жителей, он прекрасно разбирался в тончайших нюансах их психологии, зная – где, когда, что и как следует говорить, дабы свести к минимуму возможный конфликт. И, тем не менее, всякий раз, напряжение ни на миг не отпускало его, поскольку никто не мог ручаться за то, что меланхоличное внешнее спокойствие степняка не сменится в следующую секунду непредсказуемым взрывом эмоций, с вытекающими последствиями.

Прошедший нелегкую школу жизни, Ака-Рузи достаточно трезво смотрел на жизнь. Впитав ещё со школьной скамьи интерес к географии и истории, страсть к далеким странам и путешествиям, он старался одинаково уважительно относиться к любому народу, понимая, что только открытость и принятие другой культуры способно по-настоящему расширить кругозор человека, возвышая его как в нравственном, так и в любом другом отношении. Во время своих многочисленных поездок, он любил размышлять над увиденным, над жизнью, над собой. А потому, очень скоро пришел к выводу, что нет предела совершенствованию на пути к достижению того идеала, который лежит в основе мировых общечеловеческих ценностей.

Не имея привычки – делить, кого бы то ни было, по расовому или национальному признаку, он прекрасно был осведомлен в том, что хороших и плохих людей хватает всюду, среди любого народа. И, всё же, к степным казахам не мог скрыть своего неприятия. Несмотря на то, что среди его друзей было немало казахов. Один, из которых, так разъяснил Роману, имея ввиду своих степных «собратьев»:

– Понимаешь, это не человек, это – инвалид.

Впрочем, Ака-Рузи и сам уже давно пришел к этому выводу. Он понимал: призывать их к совести, апеллируя к гуманности и так далее, было равносильно попытке – объяснить каннибалу, что питаться людьми – нехорошо. А потому, он был далек от того, чтобы витать в облаках надуманных идеалов, а достаточно прочно, обеими ногами твёрдо стоял на земле и без розовых очков смотрел на реальность, фиксируя всё то, что ежедневно преподносила ему жизнь.

Обижаться на людей, с самого рождения лишенных социальных прав, брошенных властями на произвол судьбы, оторванных от цивилизации и не видевших вокруг себя ничего, кроме лошадей, верблюдов и бескрайней степи, было, по меньшей мере, неразумно. Это Роман понимал.

Несмотря на малообразованность и отсутствие элементарной культуры, казах чувствовал себя настоящим господином этих бескрайних просторов, испытывая, при этом, совершенно неприкрытую гордость. Надменно задрав голову кверху, подперев свои кулачища в бок и выставив одну ногу чуть вперед, он самодовольно притоптывает носком по песку, всем своим видом ясно давая понять – кто тут истинный хозяин земли и положения.

Романа этот «артистизм» давно уже не только перестал бесить, но даже и не вызывает улыбку. Он успел насмотреться всяко-разного. Мозг только автоматом фиксирует характерные сценки и картинки, за каждой из которых скрыта целая философия.

Ака-Рузи вновь незаметно бросает взгляд в сторону помощника и удовлетворенно отмечает для себя, что работы осталось примерно с полчаса. Надо протянуть совсем немного!

Не раздумывая ни секунды, он забирается в кабину, откуда достаёт ещё одну банку тушенки и пол-литра водки. Вся компания в задумчивости смотрит на то, как жидкость из узкого горлышка переливается в фарфоровые пиалы. Эта музыка действует на них гипнотически завораживающе. Вскоре миска вновь наполняется разогретой с помощью паяльной лампы тушенкой и, порядком разомлевшим «робингудам» не остается ничего, как снова продолжить пиршество.

«Странно, – усмехнулся про себя Роман, – жертва угощает своих обидчиков. Сказать кому – не поверят».

Он понимает, что со стороны ситуация выглядит довольно забавной. Но только не для него. Ему хватило ума и терпения, не возмущаться с самого начала. Уж, кто-кто, а он не станет делать этого, поскольку прекрасно осознает, что пойдя он этим путём, и хлопот не оберёшься: они только и ждут такого поворота событий. Ничего не поделаешь – кушать хочется всем. Это их «хлеб» и против этого никуда не попрёшь.

«Костыль» – это их собственное изобретение, позволяющее им найти себе пропитание. Этот огромный гвоздь-штырь служит для того, чтобы накрепко прикреплять рельсы к шпалам, однако казахская смекалка нашло им совершенно иное применение: его искусно маскируют в колее, присыпав слегка песком и... остается только ждать, когда жертва сама приплывет тебе в руки.

Бескрайнее плато Устюрт раскинулось на сотни километров, где никаких ориентиров не видно. Кроме железнодорожного полотна и редких КаэСов – компрессорных станций, перекачивающих газ, которые расположены через каждые сто верст. Днём «поливные» едут, держась железнодорожной ветки, а ночью единственным ориентиром для них служит ночное небо. Иногда, более опытные водители, пытаясь сократить свой путь, ради экономии топлива, игнорируют железную дорогу, полностью «переключившись» на проверенные временем старые методы – солнце, звёзды и луну.

Роману известны случаи, когда даже бывалые шофера сбивались с пути, плуруя в безжизненной пустыне и загоняя себя в тупик, совершали огромные «спирали», теряясь в песках и оставаясь один на один с нещадно палящим солнцем. В конце концов, одних неудачников находили с помощью вертолета, а иных – ждала ужасная кончина от жажды и знойной жары.

Со временем, от юношеского азарта, максимализма и романтики не остается и следа: авантюризм и страсть к приключениям уступают место мудрой осторожной сдержанности и умеренному взвешиванию обстановки при принятии очередного решения. Такова суровая жизнь...

Небрежный жест главаря шайки, заставил Романа прервать свои размышления. Казах постучал длинной палкой по борту машины, давая понять, что он не возражает против того, чтобы его угостили.

Водитель послушно вытащил из кабины пару кочанов и положил их перед атаманом. Однако, тот, удивленно вскинув свои белесые брови, недовольно зарычал в третий раз:

– Ня у?!

Роман инстинктивно догадался: на сей раз, данная фраза была наполнена следующим смыслом: «Обижаешь! Наполни мне целый мешок!»

Подобная наглость чуть не рассмешила Ака-Рузи. Вряд ли, этот обыкновенный овощ является тем стратегически важным продуктом, без которого «хозяин пустыни» не проживёт? Интересно, однако, было проследить за логикой разбойника: «Пускай, хоть и капуста, пускай, мне она и даром не нужна. Но взять её необходимо как можно больше. Как – дань, как плату за проезд через мою территорию!»

Ни слова не говоря, Ака-Рузи поднялся в кузов, где доверху наполнил мешок этим нехитрым товаром.

Тем временем, помощник закончил свою работу. Он наскоро собрал все инструменты и стоял в ожидании, стараясь скрыть свое волнение.

Наконец, главарь нехотя встал. Остальные, как по команде, последовали его примеру, преданно глядя в глаза своему господину. Скажи он им в эту минуту «фас!», и они как зомби, не задумываясь, растерзали бы «незваных гостей». Однако, видать, остатки благоразумия ещё не окончательно покинули старого атамана и потому он, подойдя поближе к гостеприимному водителю, только пристально и изучающе уставился на него, словно удав, гипнотизируя свою жертву. Ака-Рузи внешне спокойно выдержал этот сверлящий взгляд. О-о! Как он до боли был ему знаком! Ещё бы: этот многозначительный взгляд, говорил опытному шоферу о многом! Про этот взгляд он мог бы написать целую книгу.

Прошло не более десяти секунд, которые показались Роману вечностью.

В конце которых, ему стало ясно, что сегодня судьба над ними сжалилась и пощадила...

– Ну что – здорово стухнул?! – впервые за всё это время, от души рассмеялся Ака-Рузи, обращаясь к своему молодому помощнику, когда они отъехали немного от того злосчастного места. – Не ссы, Петруха: я и сам порядком пересрался. Но мы выкрутились, переиграли их и выжили! Слышишь, – вы-жи-ли! – произнес он по слогам и весело подмигнул впавшему в расстройство напарнику.

Столь долгожданный рокот урчащего мотора вновь заполнил приятной мелодией кабину КамАЗа, возвратив угасший было интерес к жизни.

– Не бойсь: завтра – дай Бог – доберёмся до Кульсары, а там опять ты увидишь асфальт! – приободрил молодого парня Ака-Рузи. – Там тебя будут ждать «белые шаровары» и красивые «ночные бабочки»! Да, дорогой мой, мы – шофера – калифы на час! И такова наша судьба!

«Как мало, оказывается, нужно человеку для счастья!» – с удивлением констатировал для себя Роман.

«Нет, что ни говори, а жизнь прекрасна! – радостно подумал он, глядя на скатывающий к горизонту остывающий огненный шар. – Боже мой! Как хорошо, что я не пошел в своё время в институт и выбрал именно эту дорогу!»

Приподнятое настроение и предстоящий отдых, сулящий кучу положительных эмоций и впечатлений, вернули его к жизни, позволив ему вновь почувствовать вкус свободы! Он знал: граната дважды в одну и ту же воронку не попадает. Чертов костыль остался далеко позади. А впереди...

И, несмотря на то, что на сотни верст окрест, куда ни кинь взгляд, распростерлась безжизненная серая степь, с её выжженной и скудной растительностью, Роману, почему-то, верилось, что там, впереди их ждёт только самое хорошее, самое светлое и самое радостное. Впереди может быть только счастье и никак – по-другому. А иначе – для чего существует на свете жизнь?

Притча о хлебе

Врата в Историю... Фото автора

Будучи, в очередной раз, в Бухаре, я находился в гостях у старшего брата, когда внезапно нашу беседу нарушил телефонный звонок. Звонил один из товарищей, который сообщил о том, что на днях скончалась тёща их общего знакомого.

– Надо сходить... – коротко бросил брат, положив трубку.

Я согласно кивнул: поминки на Востоке – дело святое. По мусульманским предписаниям, ты можешь не пойти на свадьбу, но игнорировать похороны и поминки – непростительно.

На следующее утро, мы – все трое братьев – наняли машину и отправились к постигшей горе семье.

Сама процедура поминок, как правило, совсем короткая и занимает всего несколько минут: необходимо войти в дом, выразить соболезнование родственникам покойного, присесть за стол и выпить зеленого чая. Потом читается заупокойная молитва, после чего, собственно, можно расходиться.

Поэтому, остановившись в ста метрах от дома, мы попросили водителя немного нас подождать с тем, чтобы на этой же машине возвратиться обратно домой.

Подойдя к воротам типичного каркасного глинобитного дома, с удивлением отметили для себя отсутствие привычной толпы людей, что могло означать лишь одно – с момента горестного события прошло не меньше недели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.